М. ГОРЬКИЙ

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

На дне

Максим Горький

Максим Горький. На дне. (Картины. Четыре акта)
Акт первый
Акт второй
Акт третий
Акт четвертый

Максим Горький
На дне
(Картины. Четыре акта)

Посвящаю
Константину Петровичу Пятницкому

Действующие лица:

Михаил Иванов Костылев, 54 года, содержатель ночлежки.

Василиса Карповна, его жена, 26 лет.

Наташа, ее сестра, 20 лет.

Медведев, их дядя, полицейский, 50 лет.

Васька Пепел, 28 лет.

Клещ, Андрей Митрич, слесарь, 40 лет.

Анна, его жена, 30 лет.

Настя, девица, 24 года.

Квашня, торговка пельменями, под 40 лет.

Бубнов, картузник, 45 лет.

Барон, 33 года.

Сатин, **Актер** — приблизительно одного возраста: лет под 40.

Лука, странник, 60 лет.

Алешка, сапожник, 20 лет.

Кривой Зоб, **Татарин** — крючники.

Несколько босяков без имен и речей.

Акт первый

Подвал, похожий на пещеру. Потолок — тяжелые, каменные своды, закопченные, с обвалившейся штукатуркой. Свет — от зрителя и, сверху вниз, — из квадратного окна с правой стороны. Правый угол занят отгороженной тонкими переборками комнатой Пепла, около двери в эту комнату — нары Бубнова. В левом углу — большая русская печь, в левой, каменной, стене — дверь в кухню, где живут Квашня, Барон, Настя. Между печью и дверью у стены — широкая кровать, закрытая грязным ситцевым пологом. Везде по стенам — нары. На переднем плане у левой стены — обрубок дерева с тисками и маленькой наковальней, прикрепленными к нему, и другой, пониже первого. На последнем — перед наковальней — сидит ***Клещ****, примеряя ключи к старым замкам. У ног его — две большие связки разных ключей, надетых на кольца из проволоки, исковерканный самовар из жести, молоток, подпилки. Посредине ночлежки — большой стол, две скамьи, табурет, все — некрашеное и грязное. За столом, у самовара,* ***Квашня*** *— хозяйничает,* ***Барон*** *жу-*

ет черный хлеб и ***Настя****, на табурете, читает, облокотясь на стол, растрепанную книжку. На постели, закрытая пологом, кашляет* ***Анна****.* ***Бубнов****, сидя на нарах, примеряет на болванке для шапок, зажатой в коленях, старые, распоротые брюки, соображая, как нужно кроить. Около него — изодранная картонка из-под шляпы — для козырьков, куски клеенки, тряпье.* ***Сатин*** *только что проснулся, лежит на нарах и — рычит. На печке, невидимый, возится и кашляет* ***Актер****.*

Начало весны. Утро.

Барон. Дальше!

Квашня. Не-ет, говорю, милый, с этим ты от меня поди прочь. Я, говорю, это испытала… и теперь уж — ни за сто печеных раков — под венец не пойду!

Бубнов *(Сатину)*. Ты чего хрюкаешь?

Сатин рычит.

Квашня. Чтобы я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я мужчине в крепость себя отдала — нет! Да будь он хоть принц американский — не подумаю замуж за него идти.

Клещ. Врешь!

Квашня. Чего-о?

Клещ. Врешь. Обвенчаешься с Абрамкой…

Барон *(выхватив у Насти книжку, читает название)*. «Роковая любовь»… *(Хохочет.)*

Настя *(протягивая руку)*. Дай… отдай! Ну… не балуй!

Барон смотрит на нее, помахивая книжкой в воздухе.

Квашня *(Клещу)*. Козел ты рыжий! Туда же — врешь! Да как ты смеешь говорить мне такое дерзкое слово?

Барон *(ударяя книгой по голове Настю)*. Дура ты, Настька…

Настя *(отнимает книгу)*. Дай…

Клещ. Велика барыня!.. А с Абрамкой ты обвенчаешься… только того и ждешь…

Квашня. Конечно! Еще бы… как же! Ты вон заездил жену-то до полусмерти…

Клещ. Молчать, старая собака! Не твое это дело…

Квашня. А-а! Не терпишь правды!

Барон. Началось! Настька — ты где?

Настя *(не поднимая головы)*. А?.. Уйди!

Анна *(высовывая голову из-за полога)*. Начался день! Бога ради… не кричите… не ругайтесь вы!

Клещ. Заныла!

Анна. Каждый божий день! Дайте хоть умереть спокойно!..

Бубнов. Шум — смерти не помеха…

Квашня *(подходя к Анне)*. И как ты, мать моя, с таким злыднем жила?

Анна. Оставь… отстань…

Квашня. Ну-ну! Эх ты… терпеливица!.. Что, не легче в груди-то?

Барон. Квашня! На базар пора…

Квашня. Идем, сейчас! *(Анне)*. Хочешь — пельмешков горяченьких дам?

Анна. Не надо… спасибо! Зачем мне есть?

Квашня. А ты — поешь. Горячее — мягчит. Я тебе в чашку отложу и оставлю… захочешь когда, и покушай! Идем, барин… *(Клещу.)* У, нечистый дух… *(Уходит в кухню.)*

Анна *(кашляя)*. Господи…

Барон *(тихонько толкает Настю в затылок)*. Брось… дуреха!

Настя *(бормочет)*. Убирайся… я тебе не мешаю.

***Барон**, насвистывая, уходит за **Квашней**.*

Сатин *(приподнимаясь на нарах)*. Кто это бил меня вчера?

Бубнов. А тебе не все равно?..

Сатин. Положим — так… А за что били?

Бубнов. В карты играл?

Сатин. Играл…

Бубнов. За это и били…

Сатин. М-мерзавцы…

Актер *(высовывая голову с печи)*. Однажды тебя совсем убьют… до смерти…

Сатин. А ты — болван.

Актер. Почему?

Сатин. Потому что — дважды убить нельзя.

Актер *(помолчав)*. Не понимаю… почему — нельзя?

Клещ. А ты слезай с печи-то да убирай квартиру… чего нежишься?

Актер. Это дело не твое…

Клещ. А вот Василиса придет — она тебе покажет, чье дело…

Актер. К черту Василису! Сегодня баронова очередь убираться… Барон!

Барон *(выходя из кухни)*. Мне некогда убираться… я на базар иду с Квашней.

Актер. Это меня не касается… иди хоть на каторгу… а пол мести твоя очередь… я за других не стану работать…

Барон. Ну, черт с тобой! Настёнка подметет…

Эй, ты, роковая любовь! Очнись! *(Отнимает книгу у Насти.)*

Настя *(вставая)*. Что тебе нужно? Дай сюда! Озорник! А еще — барин…

Барон *(отдавая книгу)*. Настя! Подмети пол за меня — ладно?

Настя *(уходя в кухню)*. Очень нужно… как же!

Квашня *(в двери из кухни — Барону)*. А ты — иди! Уберутся без тебя… Актер! тебя просят, — ты и сделай… не переломишься, чай!

Актер. Ну… всегда я… не понимаю…

Барон *(выносит из кухни на коромысле корзины. В них — корчаги, покрытые тряпками)*. Сегодня что-то тяжело…

Сатин. Стоило тебе родиться бароном…

Квашня *(Актеру)*. Ты смотри же, — подмети! *(Выходит в сени, пропустив вперед себя Барона.)*

Актер *(слезая с печи)*. Мне вредно дышать пылью. *(С гордостью)*. Мой организм отравлен алкоголем… *(Задумывается, сидя на нарах.)*

Сатин. Организм… органон…

Анна. Андрей Митрич…

Клещ. Что еще?

Анна. Там пельмени мне оставила Квашня… возьми, поешь.

Клещ *(подходя к ней)*. А ты — не будешь?

Анна. Не хочу… На что мне есть? Ты — работник… тебе — надо…

Клещ. Боишься? Не бойся… может, еще…

Анна. Иди, кушай! Тяжело мне… видно, скоро уж…

Клещ *(отходя)*. Ничего… может — встанешь… бывает! *(Уходит в кухню.)*

Актер *(громко, как бы вдруг проснувшись)*. Вчера, в лечебнице, доктор сказал мне: ваш, говорит, организм — совершенно отравлен алкоголем…

Сатин *(улыбаясь)*. Органон…

Актер *(настойчиво)*. Не органон, а ор-га-низм…

Сатин. Сикамбр…

Актер *(машет на него рукой)*. Э, вздор! Я говорю — серьезно… да. Если организм — отравлен… значит — мне вредно мести пол… дышать пылью…

Сатин. Макробиотика… ха!

Бубнов. Ты чего бормочешь?

Сатин. Слова… А то еще есть — транс-сцедентальный…

Бубнов. Это что?

Сатин. Не знаю… забыл…

Бубнов. А к чему говоришь?

Сатин. Так… Надоели мне, брат, все человеческие слова… все наши слова — надоели! Каждое

из них слышал я... наверное, тысячу раз...

Актер. В драме «Гамлет» говорится: «Слова, слова, слова!» Хорошая вещь... Я играл в ней могильщика...

Клещ *(выходя из кухни)*. Ты с метлой играть скоро будешь?

Актер. Не твое дело *(Ударяет себя в грудь рукой.)* «Офелия! О... помяни меня в твоих молитвах!..»

За сценой, где-то далеко, — глухой шум, крики, свисток полицейского.

Клещ садится за работу и скрипит подпилком.

Сатин. Люблю непонятные, редкие слова... Когда я был мальчишкой... служил на телеграфе... я много читал книг...

Бубнов. А ты был и телеграфистом?

Сатин. Был... *(Усмехаясь.)* Есть очень хорошие книги... и множество любопытных слов... Я был образованным человеком... знаешь?

Бубнов. Слыхал... сто раз! Ну и был... эка важность!.. Я вот — скорняк был... свое заведение имел... Руки у меня были такие желтые — от краски: меха подкрашивал я, — такие, брат, руки были желтые — по локоть! Я уж думал, что до самой смерти не отмою... так с желтыми руками и помру... А теперь вот они, руки... просто гряз-

ные… да!

Сатин. Ну и что же?

Бубнов. И больше ничего…

Сатин. Ты это к чему?

Бубнов. Так… для соображения… Выходит: снаружи как себя ни раскрашивай, все сотрется… все сотрется, да!

Сатин. А… кости у меня болят!

Актер *(сидит, обняв руками колени)*. Образование — чепуха, главное — талант. Я знал артиста… он читал роли по складам, но мог играть героев так, что… театр трещал и шатался от восторга публики…

Сатин. Бубнов, дай пятачок!

Бубнов. У меня всего две копейки…

Актер. Я говорю — талант, вот что нужно герою. А талант — это вера в себя, в свою силу…

Сатин. Дай мне пятак, и я поверю, что ты талант, герой, крокодил, частный пристав… Клещ, дай пятак!

Клещ. Пошел к черту! Много вас тут…

Сатин. Чего ты ругаешься? Ведь у тебя нет ни гроша, я знаю…

Анна. Андрей Митрич… Душно мне… трудно…

Клещ. Что же я сделаю?

Бубнов. Дверь в сени отвори…

Клещ. Ладно! Ты сидишь на нарах, а я — на полу… пусти меня на свое место, да и отворяй… а я и без того простужен…

Бубнов *(спокойно)*. Мне отворять не надо… твоя жена просит…

Клещ *(угрюмо)*. Мало ли кто чего попросил бы…

Сатин. Гудит у меня голова… эх! И зачем люди бьют друг друга по башкам?

Бубнов. Они не только по башкам, а и по всему прочему телу. *(Встает.)* Пойти, ниток купить… А хозяев наших чего-то долго не видать сегодня… словно издохли. *(Уходит.)*

Анна кашляет. Сатин, закинув руки под голову, лежит неподвижно.

Актер *(тоскливо осмотревшись вокруг, подходит к Анне)*. Что? Плохо?

Анна. Душно.

Актер. Хочешь — в сени выведу? Ну, вставай. *(Помогает женщине подняться, накидывает ей на плечи какую-то рухлядь и, поддерживая, ведет в сени.)* Ну-ну… твердо! Я — сам больной… отравлен алкоголем…

Костылев *(в дверях)*. На прогулку? Ах, и хороша парочка, баран да ярочка…

Актер. А ты — посторонись... видишь — больные идут?..

Костылев. Проходи, изволь... *(Напевая под нос что-то божественное, подозрительно осматривает ночлежку и склоняет голову налево, как бы прислушиваясь к чему-то в комнате Пепла.)*

Клещ ожесточенно звякает ключами и скрипит подпилком, исподлобья следя за хозяином.

Скрипишь?

Клещ. Чего?

Костылев. Скрипишь, говорю?

Пауза.

А-а... того... что бишь я хотел спросить? *(Быстро и негромко.)* Жена не была здесь?

Клещ. Не видал...

Костылев *(осторожно подвигаясь к двери в комнату Пепла)* Сколько ты у меня за два-то рубля в месяц места занимаешь! Кровать... сам сидишь... н-да! На пять целковых места, ей-богу! Надо будет накинуть на тебя полтинничек...

Клещ. Ты петлю на меня накинь да задави... Издохнешь скоро, а все о полтинниках думаешь...

Костылев. Зачем тебя давить? Кому от этого польза? Господь с тобой, живи, знай, в свое

удовольствие… А я на тебя полтинку накину, — маслица в лампаду куплю… и будет перед святой иконой жертва моя гореть… И за меня жертва пойдет, в воздаяние грехов моих, и за тебя тоже. Ведь сам ты о грехах своих не думаешь… ну вот… Эх, Андрюшка, злой ты человек! Жена твоя зачахла от твоего злодейства… никто тебя не любит, не уважает… работа твоя скрипучая, беспокойная для всех…

Клещ *(кричит)*. Ты что меня… травить пришел?

Сатин громко рычит.

Костылев *(вздрогнув)*. Эк ты, батюшка…

Актер *(входит)*. Усадил бабу в сенях, закутал…

Костылев. Экой ты добрый, брат! Хорошо это… это зачтется все тебе…

Актер. Когда?

Костылев. На том свете, братик… там все, всякое деяние наше усчитывают…

Актер. А ты бы вот здесь наградил меня за доброту…

Костылев. Это как же я могу?

Актер. Скости половину долга…

Костылев. Хе-хе! Ты все шутишь, милачок, все играешь… Разве доброту сердца с деньгами мож-

но равнять? Доброта — она превыше всех благ. А долг твой мне — это так и есть долг! Значит, должен ты его мне возместить… Доброта твоя мне, старцу, безвозмездно должна быть оказана…

Актер. Шельма ты, старец… *(Уходит в кухню.)*

***Клещ** встает и уходит в сени.*

Костылев. *(Сатину)*. Скрипун-то? Убежал, хе-хе! Не любит он меня…

Сатин. Кто тебя — кроме черта — любит?..

Костылев *(посмеиваясь)*. Экой ты ругатель! А я вас всех люблю… я понимаю, братия вы моя несчастная, никудышная, пропащая… *(Вдруг, быстро.)* А… Васька — дома?

Сатин. Погляди…

Костылев *(подходит к двери и стучит)*. Вася!

***Актер** появляется в двери из кухни. Он что-то жует.*

Пепел. Кто это?

Костылев. Это я… я, Вася.

Пепел. Что надо?

Костылев *(отодвигаясь)*. Отвори…

Сатин *(не глядя на Костылева)*. Он отворит, а она — там…

Актер фыркает.

Костылев *(беспокойно, негромко).* А? Кто — там? Ты… что?

Сатин. Чего? Ты — мне говоришь?

Костылев. Ты что сказал?

Сатин. Это я так… про себя…

Костылев. Смотри, брат! Шути в меру… Да! *(Сильно стучит в дверь.)* Василий!..

Пепел *(отворяя дверь).* Ну? Чего беспокоишь?

Костылев *(заглядывая в комнату).* Я… видишь — ты…

Пепел. Деньги принес?

Костылев. Дело у меня к тебе…

Пепел. Деньги — принес?

Костылев. Какие? Погоди…

Пепел. Деньги, семь рублей, за часы — ну?

Костылев. Какие часы, Вася?.. Ах, ты…

Пепел. Ну, ты гляди! Вчера, при свидетелях, я тебе продал часы за десять рублей… три — получил, семь — подай! Чего глазами хлопаешь? Шляется тут, беспокоит людей… а дела своего не знает…

Костылев. Ш-ш! Не сердись, Вася… Часы — они…

Сатин. Краденые…

Костылев *(строго).* Я краденого не принимаю… как ты можешь…

Пепел *(берет его за плечо)*. Ты — зачем меня встревожил? Чего тебе надо?

Костылев. Да… мне — ничего… я уйду… если ты такой…

Пепел. Ступай, принеси деньги!

Костылев *(уходит)*. Экие грубые люди! Ай-яй…

Актер. Комедия!

Сатин. Хорошо! Это я люблю…

Пепел. Чего он тут?

Сатин *(смеясь)*. Не понимаешь? Жену ищет… И чего ты не пришибешь его, Василий?!

Пепел. Стану я из-за такой дряни жизнь себе портить…

Сатин. А ты — умненько. Потом — женись на Василисе… хозяином нашим будешь…

Пепел. Велика радость! Вы не токмо все мое хозяйство, а и меня, по доброте моей, в кабаке пропьете… *(Садится на нары.)* Старый черт… разбудил… А я — сон хороший видел: будто ловлю я рыбу, и попал мне — огромаднейший лещ! Такой лещ, — только во сне эдакие и бывают… И вот я его вожу на удочке и боюсь, — леса оборвется! И приготовил сачок… вот, думаю, сейчас…

Сатин. Это не лещ, а Василиса была…

Актер. Василису он давно поймал…

Пепел *(сердито)*. Подите вы к чертям… да и с

ней вместе!

Клещ *(входит из сеней)*. Холодище… собачий…

Актер. Ты что же Анну не привел? Замерзнет…

Клещ. Ее Наташка в кухню увела к себе…

Актер. Старик — выгонит.

Клещ *(садясь работать)*. Ну… Наташка приведет…

Сатин. Василий. Дай пятак…

Актер *(Сатину)* . Эх ты… пятак! Вася! Дай нам двугривенный…

Пепел. Надо скорее дать… пока рубля не просите… на!

Сатин. Гиблартарр! Нет на свете людей лучше воров!

Клещ *(угрюмо)*. Им легко деньги достаются… Они — не работают…

Сатин. Многим деньги легко достаются, да немногие легко с ними расстаются… Работа? Сделай так, чтоб работа была мне приятна — я, может быть, буду работать… да! Может быть! Когда труд — удовольствие, жизнь — хороша! Когда труд — обязанность, жизнь — рабство! *(Актеру.)* Ты, Сарданапал! Идем…

Актер. Идем, Навухудоносор! Напьюсь — как… сорок тысяч пьяниц…

Уходят.

Пепел *(зевая)*. Что, как жена твоя?

Клещ. Видно, скоро уж…

Пауза.

Пепел. Смотрю я на тебя, — зря ты скрипишь.

Клещ. А что делать?

Пепел. Ничего…

Клещ. А как есть буду?

Пепел. Живут же люди…

Клещ. Эти? Какие они люди? Рвань, золотая рота… люди! Я — рабочий человек… мне глядеть на них стыдно… я с малых лет работаю… Ты думаешь — я не вырвусь отсюда? Вылезу… кожу сдеру, а вылезу… Вот, погоди… умрет жена… Я здесь полгода прожил… а все равно как шесть лет…

Пепел. Никто здесь тебя не хуже… напрасно ты говоришь…

Клещ. Не хуже! Живут без чести, без совести…

Пепел *(равнодушно)*. А куда они — честь, совесть? На ноги, вместо сапогов, не наденешь ни чести, ни совести… Честь-совесть тем нужна, у кого власть да сила есть…

Бубнов *(входит)*. У-у… озяб!

Пепел. Бубнов! У тебя совесть есть?

Бубнов. Чего-о? Совесть?

Пепел. Ну да!

Бубнов. На что совесть? Я — не богатый…

Пепел. Вот и я то же говорю: честь-совесть богатым нужна, да! А Клещ ругает нас, нет, говорит, у нас совести…

Бубнов. А он что — занять хотел?

Пепел. У него — своей много…

Бубнов. Значит, продает? Ну, здесь этого никто не купит. Вот картонки ломаные я бы купил… да и то в долг…

Пепел *(поучительно)*. Дурак ты, Андрюшка! Ты бы, насчет совести, Сатина послушал… а то — Барона…

Клещ. Не о чем мне с ними говорить…

Пепел. Они — поумнее тебя будут… хоть и пьяницы…

Бубнов. А кто пьян да умен — два угодья в нем…

Пепел. Сатин говорит: всякий человек хочет, чтобы сосед его совесть имел, да никому, видишь, не выгодно иметь-то ее… И это — верно…

Наташа *входит. За нею —* ***Лука*** *с палкой в руке, с котомкой за плечами, котелком и чайником у пояса.*

Лука. Доброго здоровья, народ честной!

Пепел *(приглаживая усы)*. А-а, Наташа!

Бубнов *(Луке)*. Был честной, да позапрошлой весной…

Наташа. Вот — новый постоялец…

Лука. Мне — все равно! Я и жуликов уважаю, по-моему, ни одна блоха — не плоха: все — черненькие, все — прыгают… так-то. Где тут, милая, приспособиться мне?

Наташа *(указывая на дверь в кухню)*. Туда иди, дедушка…

Лука. Спасибо, девушка! Туда, так туда… Старику — где тепло, там и родина…

Пепел. Какого занятного старичишку-то привели вы, Наташа…

Наташа. Поинтереснее вас… Андрей! Жена твоя в кухне у нас… ты, погодя, приди за ней.

Клещ. Ладно… приду…

Наташа. Ты бы, чай, теперь поласковее с ней обращался… ведь уж недолго…

Клещ. Знаю…

Наташа. Знаешь… Мало знать, ты — понимай. Ведь умирать-то страшно…

Пепел. А я вот — не боюсь…

Наташа. Как же!.. Храбрость…

Бубнов *(свистнув)*. А нитки-то гнилые…

Пепел. Право — не боюсь! Хоть сейчас — смерть приму! Возьмите вы нож, ударьте против серд-

ца… умру — не охну! Даже — с радостью, потому что — от чистой руки…

Наташа *(уходит)*. Ну, вы другим уж зубы-то заговаривайте.

Бубнов *(протяжно)*. А ниточки-то гнилые…

Наташа *(у двери в сени)*. Не забудь, Андрей, про жену…

Клещ. Ладно…

Пепел. Славная девка!

Бубнов. Девица — ничего…

Пепел. Чего она со мной… так? Отвергает… Все равно ведь — пропадет здесь…

Бубнов. Через тебя пропадет…

Пепел. Зачем — через меня? Я ее — жалею…

Бубнов. Как волк овцу…

Пепел. Врешь ты! Я очень… жалею ее… Плохо ей тут жить… я вижу…

Клещ. Погоди, вот Василиса увидит тебя в разговоре с ней…

Бубнов. Василиса? Н-да, она своего даром не отдаст… баба — лютая…

Пепел *(ложится на нары)*. Подите вы к чертям оба… пророки!

Клещ. Увидишь… погоди!..

Лука *(в кухне, напевает)*. Середь но-очи… пу-уть-дорогу не-е видать…

Клещ *(уходя в сени)*. Ишь, воет… тоже…

Пепел. А скушно… чего это скушно мне бывает? Живешь-живешь — все хорошо! И вдруг — точно озябнешь: сделается скушно…

Бубнов. Скушно? М-м…

Пепел. Ей-ей!

Лука *(поет)*. Эх, и не вида-ать пути-и…

Пепел. Старик! Эй!

Лука *(выглядывая из двери)*. Это я?

Пепел. Ты. Не пой.

Лука *(выходит)*. Не любишь?

Пепел. Когда хорошо поют — люблю…

Лука. А я, значит, не хорошо?

Пепел. Стало быть…

Лука. Ишь ты! А я думал — хорошо пою. Вот всегда так выходит: человек-то думает про себя — хорошо я делаю! Хвать — а люди недовольны…

Пепел *(смеясь)*. Вот! Верно…

Бубнов. Говоришь — скушно, а сам хохочешь.

Пепел. А тебе что? Ворон…

Лука. Это кому — скушно?

Пепел. Мне вот…

***Барон** входит.*

Лука. Ишь ты! А там, в кухне, девица сидит, книгу читает и — плачет! Право! Слезы текут… Я

ей говорю: милая, ты чего это, а? А она — жалко! Кого, говорю, жалко? А вот, говорит, в книжке… Вот чем человек занимается, а? Тоже, видно, со скуки…

Барон. Это — дура…

Пепел. Барон! Чай пил?

Барон. Пил… дальше!

Пепел. Хочешь — полбутылки поставлю?

Барон. Разумеется… дальше!

Пепел. Становись на четвереньки, лай собакой!

Барон. Дурак! Ты что — купец? Или — пьян?

Пепел. Ну, полай! Мне забавно будет… Ты барин… было у тебя время, когда ты нашего брата за человека не считал… и все такое…

Барон. Ну, дальше!

Пепел. Чего же? А теперь вот я тебя заставлю лаять собакой — ты и будешь… ведь будешь?

Барон. Ну, буду! Болван! Какое тебе от этого может быть удовольствие, если я сам знаю, что стал чуть ли не хуже тебя? Ты бы меня тогда заставлял на четвереньках ходить, когда я был неровня тебе…

Бубнов. Верно!

Лука. И я скажу — хорошо!..

Бубнов. Что было — было, а остались — одни

пустяки… Здесь господ нету… все слиняло, один голый человек остался…

Лука. Все, значит, равны… А ты, милый, бароном был?

Барон. Это что еще? Ты кто, кикимора?

Лука *(смеется)*. Графа видал я и князя видал… а барона — первый раз встречаю, да и то испорченного…

Пепел *(хохочет)*. Барон! А ты меня сконфузил…

Барон. Пора быть умнее, Василий…

Лука. Эхе-хе! Погляжу я на вас, братцы, — житье ваше — о-ой!

Бубнов. Такое житье, что как поутру встал, так и за вытье…

Барон. Жили и лучше… да! Я… бывало… проснусь утром и, лежа в постели, кофе пью… кофе! — со сливками… да!

Лука. А всё — люди! Как ни притворяйся, как ни вихляйся, а человеком родился, человеком и помрешь… И всё, гляжу я, умнее люди становятся, всё занятнее… и хоть живут — всё хуже, а хотят — всё лучше… упрямые!

Барон. Ты, старик, кто такой?.. Откуда ты явился?

Лука. Я-то?

Барон. Странник?

Лука. Все мы на земле странники… Говорят, — слыхал я, — что и земля-то наша в небе странница.

Барон *(строго)*. Это так, ну, а — паспорт имеешь?

Лука *(не сразу)*. А ты кто, — сыщик?

Пепел. *(радостно)*. Ловко, старик! Что, Бароша, и тебе попало?

Бубнов. Н-да, получил барин…

Барон *(сконфуженный)*. Ну, чего там? Я ведь… шучу, старик! У меня, брат, у самого бумаг нет…

Бубнов. Врешь!

Барон. То есть… я имею бумаги… но — они никуда не годятся…

Лука. Они, бумажки-то, все такие… все никуда не годятся.

Пепел. Барон! Идем в трактир…

Барон. Готов! Ну, прощай, старик… Шельма ты!

Лука. Всяко бывает, милый…

Пепел *(у двери в сени)*. Ну, идем, что ли! *(Уходит.)*

Барон *быстро идет за ним.*

Лука. В самом деле, человек-то бароном был?

Бубнов. Кто его знает? Барин, это верно… Он и теперь — нет-нет, да вдруг и покажет барина из себя. Не отвык, видно, еще.

Лука. Оно, пожалуй, барство-то — как оспа… и выздоровеет человек, а знаки-то остаются…

Бубнов. Он ничего все-таки… Только так иногда брыкнется… вроде как насчет твоего паспорта…

Алешка *(входит выпивши, с гармонией в руках. Свистит)*. Эй, жители!

Бубнов. Чего орешь?

Алешка. Извините… простите! Я человек вежливый…

Бубнов. Опять загулял?

Алешка. Сколько угодно! Сейчас из участка помощник пристава Медякин выгнал и говорит: чтобы, говорит, на улице тобой и не пахло… нини! Я — человек с характером… А хозяин на меня фыркает… А что такое — хозяин? Ф-фе! Недоразумение одно… Пьяница он, хозяин-то… А я такой человек, что… ничего не желаю! Ничего не хочу и — шабаш! На, возьми меня за рубль за двадцать! А я — ничего не хочу.

Настя *выходит из кухни.*

Давай мне миллион — н-не хочу! И чтобы мной, хорошим человеком, командовал товарищ мой…

пьяница, — не желаю! Не хочу!

Настя, стоя у двери, качает головой, глядя на Алешку.

Лука *(добродушно)*. Эх, парень, запутался ты…

Бубнов. Дурость человеческая…

Алешка *(ложится на пол)*. На, ешь меня! А я — ничего не хочу! Я — отчаянный человек! Объясните мне — кого я хуже? Почему я хуже прочих? Вот! Медякин говорит: на улицу не ходи — морду побью! А я — пойду… пойду лягу середь улицы — дави меня! Я — ничего не желаю!..

Настя. Несчастный!.. молоденький еще, а уж… так ломается…

Алешка *(увидав ее, встает на колени)*. Барышня! Мамзель! Парле франсе… прейскурант! Загулял я…

Настя *(громко шепчет)*. Василиса!

Василиса *(быстро отворяя дверь, Алешке)*. Ты опять здесь?

Алешка. Здравствуйте… пожалуйте…

Василиса. Я тебе, щенку, сказала, чтобы духа твоего не было здесь… а ты опять пришел?

Алешка. Василиса Карповна… хошь, я тебе… похоронный марш сыграю?

Василиса *(толкает его в плечо)*. Вон!

Алешка *(подвигаясь к двери)*. Постой… так нельзя! Похоронный марш… недавно выучил! Свежая музыка… Погоди! так нельзя!

Василиса. Я тебе покажу — нельзя… я всю улицу натравлю на тебя… язычник ты проклятый… молод ты лаять про меня…

Алешка *(выбегая)*. Ну, я уйду…

Василиса *(Бубнову)*. Чтобы ноги его здесь не было! Слышишь?

Бубнов. Я тут не сторож тебе…

Василиса. А мне дела нет, кто ты таков! Из милости живешь — не забудь! Сколько должен мне?

Бубнов *(спокойно)*. Не считал…

Василиса. Смотри — я посчитаю!

Алешка *(отворив дверь, кричит)*. Василиса Карповна! А я тебя не боюсь… н-не боюсь! *(Прячется.)*

Лука смеется.

Василиса. Ты кто такой?..

Лука. Проходящий… странствующий…

Василиса. Ночуешь или жить?

Лука. Погляжу там…

Василиса. Пачпорт!

Лука. Можно…

Василиса. Давай!

Лука. Я тебе принесу… на квартиру тебе приволоку его…

Василиса. Прохожий… тоже! Говорил бы — проходимец… всё ближе к правде-то…

Лука *(вздохнув)*. Ах, и неласкова ты, мать…

Василиса идет к двери в комнату Пепла.

Алешка *(выглядывая из кухни, шепчет)*. Ушла? а?

Василиса *(оборачивается к нему)*. Ты еще здесь?

***Алешка**, скрываясь, свистит. Настя и Лука смеются.*

Бубнов *(Василисе)*. Нет его…

Василиса. Кого?

Бубнов. Васьки…

Василиса. Я тебя спрашивала про него?

Бубнов. Вижу я… заглядываешь ты везде…

Василиса. Я за порядком гляжу — понял? Это почему у вас до сей поры не метено? Я сколько раз приказывала, чтобы чисто было?

Бубнов. Актеру мести…

Василиса. Мне дела нет — кому! А вот если санитары придут да штраф наложат, я тогда…

всех вас — вон!

Бубнов *(спокойно)*. А чем жить будешь?

Василиса. Чтобы соринки не было! *(Идет в кухню. Насте.)* Ты чего тут торчишь? Что рожа-то вспухла? Чего стоишь пнем? Мети пол! Наталью… видела? Была она тут?

Настя. Не знаю… не видела…

Василиса. Бубнов! Сестра была здесь?

Бубнов. А… вот его привела она…

Василиса. Этот… дома был?

Бубнов. Василий? Был… С Клещом она тут говорила, Наталья-то…

Василиса. Я тебя не спрашиваю — с кем! Грязь везде… грязища! Эх, вы… свиньи! Чтобы было чисто… слышите! *(Быстро уходит.)*

Бубнов. Сколько в ней зверства, в бабе этой!

Лука. Сурьезная бабочка…

Настя. Озвереешь в такой жизни… Привяжи всякого живого человека к такому мужу, как ее…

Бубнов. Ну, она не очень крепко привязана…

Лука. Всегда она так… разрывается?

Бубнов. Всегда… К любовнику, видишь, пришла, а его нет…

Лука. Обидно, значит, стало. Охо-хо! Сколько это разного народа на земле распоряжается… и всякими страхами друг дружку стращает, а все

порядка нет в жизни… и чистоты нет…

Бубнов. Все хотят порядка, да разума нехватка. Однако же надо подмести… Настя!.. Ты бы занялась…

Настя. Ну да, как же! Горничная я вам тут… *(Помолчав.)* Напьюсь вот я сегодня… так напьюсь!

Бубнов. И то — дело…

Лука. С чего же это ты, девица, пить хочешь? Давеча ты плакала, теперь вот говоришь — напьюсь!

Настя *(вызывающе)*. А напьюсь — опять плакать буду… вот и все!

Бубнов. Не много…

Лука. Да от какой причины, скажи? Ведь так, без причины, и прыщ не вскочит…

Настя молчит, качая головой.

Так… Эхе-хе… господа люди! И что с вами будет?.. Ну-ка хоть я помету здесь. Где у вас метла?

Бубнов. За дверью, в сенях…

***Лука** идет в сени.*

Настёнка!

Настя. А?

Бубнов. Чего Василиса на Алешку бросилась?

Настя. Он про нее говорил, что надоела она

Ваське и что Васька бросить ее хочет… а Наташу взять себе… Уйду я отсюда… на другую квартиру.

Бубнов. Чего? Куда?

Настя. Надоело мне… Лишняя я здесь…

Бубнов *(спокойно)*. Ты везде лишняя… да и все люди на земле — лишние…

***Настя** качает головой. Встает, тихо уходит в сени. **Медведев** входит. За ним — **Лука** с метлой.*

Медведев. Как будто я тебя не знаю…

Лука. А остальных людей — всех знаешь?

Медведев. В своем участке я должен всех знать… а тебя вот — не знаю…

Лука. Это оттого, дядя, что земля-то не вся в твоем участке поместилась… осталось маленько и опричь его… *(Уходит в кухню.)*

Медведев *(подходя к Бубнову)*. Правильно, участок у меня невелик… хоть хуже всякого большого… Сейчас, перед тем как с дежурства смениться, сапожника Алешку в часть отвез… Лег, понимаешь, среди улицы, играет на гармонии и орет: ничего не хочу, ничего не желаю! Лошади тут ездят и вообще — движение… могут раздавить колесами и прочее… Буйный парнишка… Ну, сейчас я его и… представил. Очень любит беспорядок…

Бубнов. Вечером в шашки играть придешь?

Медведев. Приду. М-да… А что… Васька?

Бубнов. Ничего… все так же…

Медведев. Значит… живет?

Бубнов. Что ему не жить? Ему можно жить…

Медведев *(сомневаясь)*. Можно?

***Лука** выходит в сени с ведром в руке.*

М-да… тут — разговор идет… насчет Васьки… ты не слыхал?

Бубнов. Я разные разговоры слышу…

Медведев. Насчет Василисы, будто… не замечал?

Бубнов. Чего?

Медведев. Так… вообще… Ты, может, знаешь, да врешь? Ведь все знают… *(Строго.)* Врать нельзя, брат…

Бубнов. Зачем мне врать!

Медведев. То-то!.. Ах, псы! Разговаривают: Васька с Василисой… дескать… а мне что? Я ей не отец, я — дядя… Зачем надо мной смеяться?..

*Входит **Квашня**.*

Какой народ стал… надо всем смеется… А-а! Ты… пришла…

Квашня. Разлюбезный мой гарнизон! Бубнов!

Он опять на базаре приставал ко мне, чтобы венчаться…

Бубнов. Валяй… чего же? У него деньги есть, и кавалер он еще крепкий…

Медведев. Я-то? Хо-хо!

Квашня. Ах ты, серый! Нет, ты меня за это мое, за больное место не тронь! Это, миленький, со мной было… Замуж бабе выйти — все равно как зимой в прорубь прыгнуть: один раз сделала — на всю жизнь памятно…

Медведев. Ты — погоди… мужья — они разные бывают.

Квашня. Да я-то все одинакова! Как издох мой милый муженек, — ни дна бы ему ни покрышки, — так я целый день от радости одна просидела: сижу и все не верю счастью своему…

Медведев. Ежели тебя муж бил… зря — надо было в полицию жаловаться…

Квашня. Я богу жаловалась восемь лет, — не помогал!

Медведев. Теперь запрещено жен бить… теперь во всем — строгость и закон-порядок! Никого нельзя зря бить… бьют — для порядку…

Лука *(вводит Анну)*. Ну, вот и доползли… эх ты! И разве можно в таком слабом составе одной ходить? Где твое место?

Анна *(указывая)*. Спасибо, дедушка…

Квашня. Вот она — замужняя… глядите!

Лука. Бабочка совсем слабого состава… Идет по сеням, цепляется за стенки и — стонает… Пошто вы ее одну пущаете?

Квашня. Не доглядели, простите, батюшка! А горничная ейная, видно, гулять ушла…

Лука. Ты вот — смеешься… а разве можно человека эдак бросать? Он — каков ни есть — а всегда своей цены стоит…

Медведев. Надзор нужен! Вдруг — умрет? Канитель будет из этого… Следить надо!

Лука. Верно, господин ундер…

Медведев. М-да… хоть я… еще не совсем ундер…

Лука. Н-ну? А видимость — самая геройская!

В сенях шум и топот. Доносятся глухие крики.

Медведев. Никак — скандал?

Бубнов. Похоже…

Квашня. Пойти поглядеть…

Медведев. И мне надо идти… Эх, служба! И зачем разнимают людей, когда они дерутся? Они и сами перестали бы… ведь устаешь драться… Давать бы им бить друг друга свободно, сколько каждому влезет… стали бы меньше драться, по-

тому побои-то помнили бы дольше…

Бубнов *(слезая с нар)*. Ты начальству поговори насчет этого…

Костылев *(распахивая дверь, кричит)*. Абрам! Иди..Василиса Наташку… убивает… иди!

Квашня, ***Медведев***, ***Бубнов*** *бросаются в сени. Лука, качая головой, смотрит вслед им.*

Анна. О господи… Наташенька бедная!

Лука. Кто дерется там?

Анна. Хозяйки… сестры…

Лука *(подходя к Анне)*. Чего делят?

Анна. Так они… сытые обе… здоровые…

Лука. Тебя как звать-то?

Анна. Анной… Гляжу я на тебя… на отца ты похож моего… на батюшку… такой же ласковый… мягкий…

Лука. Мяли много, оттого и мягок… *(Смеется дребезжащим смехом.)*

Занавес

Акт второй

Та же обстановка.

Вечер. На нарах около печи ***Сатин***, ***Барон***, ***Кривой Зоб*** *и* ***Татарин*** *играют в карты.* ***Клещ*** *и* ***Актер*** *наблюдают за игрой.* ***Бубнов*** *на своих нарах играет в шашки с* ***Медведевым***. ***Лука*** *сидит на табурете у постели* ***Анны***. *Ночлежка освещена двумя лампами, одна висит на стене около играющих в карты, другая — на нарах Бубнова.*

Татарин. Еще раз играю, — больше не играю…

Бубнов. Зоб! Пой! *(Запевает.)* Солнце всходит и заходит…

Кривой Зоб *(подхватывает голос)*. А в тюрьме моей темно…

Татарин *(Сатину)*. Мешай карта! Хорошо мешай! Знаем мы, какой-такой ты…

Бубнов и **Кривой Зоб** *(вместе)*. Дни и ночи часовые — э-эх! Стерегут мое окно…

Анна. Побои… обиды… ничего кроме — не видела я… ничего не видела!

Лука. Эх, бабочка! Не тоскуй!

Медведев. Куда ходишь? Гляди!..

Бубнов. А-а! Так, так, так…

Татарин *(грозя Сатину кулаком)*. Зачем карта прятать хочешь? Я вижу… э, ты!

Кривой Зоб. Брось, Асан! Все равно — они нас объегорят… Бубнов, заводи!

Анна. Не помню — когда я сыта была… Над каждым куском хлеба тряслась… Всю жизнь мою дрожала… Мучилась… как бы больше другого не съесть… Всю жизнь в отрепьях ходила… всю мою несчастную жизнь… За что?

Лука. Эх ты, детынька! Устала? Ничего!

Актер *(Кривому Зобу)*. Валетом ходи… валетом, черт!

Барон. А у нас — король.

Клещ. Они всегда побьют.

Сатин. Такая у нас привычка…

Медведев. Дамка!

Бубнов. И у меня… н-ну…

Анна. Помираю, вот…

Клещ. Ишь, ишь как! Князь, бросай игру! Бросай, говорю!

Актер. Он без тебя не понимает?

Барон. Гляди, Андрюшка, как бы я тебя не швырнул ко всем чертям!

Татарин. Сдавай еще раз! Кувшин ходил за вода, разбивал себя… и я тоже!

Клещ, качая головой, отходит к Бубнову.

Анна. Все думаю я: господи! Неужто и на том свете мука мне назначена? Неужто и там?

Лука. Ничего не будет! Лежи знай! Ничего! Отдохнешь там!.. Потерпи еще! Все, милая, терпят… всяк по-своему жизнь терпит… *(Встает и уходит в кухню быстрыми шагами.)*

Бубнов *(запевает)*. Как хотите, стерегите…

Кривой Зоб. Я и так не убегу…

(В два голоса.)

Мне и хочется на волю… эх!

Цепь порвать я не могу…

Татарин *(кричит)*. А! Карта рукав совал!

Барон *(конфузясь)*. Ну… что же мне — в нос твой сунуть?

Актер *(убедительно)*. Князь! Ты ошибся… никто, никогда…

Татарин. Я видел! Жулик! Не буду играть!

Сатин *(собирая карты)*. Ты, Асан, отвяжись… Что мы — жулики, тебе известно. Стало быть, зачем играл?

Барон. Проиграл два другривенных, а шум делаешь на трешницу… еще князь!

Татарин *(горячо)*. Надо играть честна!

Сатин. Это зачем же?

Татарин. Как зачем?

Сатин. А так… Зачем?

Татарин. Ты не знаешь?

Сатин. Не знаю. А ты — знаешь?

Татарин плюет, озлобленный. Все хохочут над ним.

Кривой Зоб *(благодушно)*. Чудак ты, Асан! Ты — пойми! Коли им честно жить начать, они в три дня с голоду издохнут…

Татарин. А мне какое дело! Надо честно жить!

Кривой Зоб. Заладил! Идем чай пить лучше… Бубен! И-эх вы, цепи, мои цепи.

Бубнов. Да вы железны сторожа…

Кривой Зоб. Идем, Асанка! *(Уходит, напевая.)* Не порвать мне, не разбить вас…

Татарин *грозит Барону кулаком и выходит вслед за товарищем.*

Сатин *(Барону, смеясь)*. Вы, ваше вашество, опять торжественно сели в лужу! Образованный человек, а карту передернуть не можете…

Барон *(разводя руками)*. Черт знает, как она…

Актер. Таланта нет… нет веры в себя… а без этого… никогда, ничего…

Медведев. У меня одна дамка… а у тебя две…

н-да!

Бубнов. И одна — не бедна, коли умна… Ходи!

Клещ. Проиграли, вы Абрам Иваныч!

Медведев. Это не твое дело… понял? И молчи…

Сатин. Выигрыш — пятьдесят три копейки…

Актер. Три копейки мне… А впрочем, зачем мне нужно три копейки?

Лука *(выходя из кухни)*. Ну, обыграли татарина? Водочку пить пойдете?

Барон. Идем с нами!

Сатин. Посмотреть бы, каков ты есть пьяный!

Лука. Не лучше трезвого-то…

Актер. Идем, старик… я тебе продекламирую куплеты…

Лука. Чего это?

Актер. Стихи — понимаешь?

Лука. Стихи-и! А на что они мне, стихи-то?..

Актер. Это — смешно… А иногда — грустно…

Сатин. Ну, куплетист, идешь? *(Уходит с Бароном.)*

Актер. Иду… я догоню! Вот, например, старик, из одного стихотворения… начало я забыл… забыл! *(Потирает лоб.)*

Бубнов. Готово! Пропала твоя дамка… ходи!

Медведев. Не туда я пошел… пострели ее!

Актер. Раньше, когда мой организм не был

отравлен алкоголем, у меня, старик, была хорошая память… А теперь вот… кончено, брат! Все кончено для меня! Я всегда читал это стихотворение с большим успехом… гром аплодисментов! Ты… не знаешь, что такое аплодисменты… это, брат, как… водка!.. Бывало, выйду, встану вот так… *(Становится в позу.)* Встану… и… *(Молчит.)* Ничего не помню… ни слова… не помню! Любимое стихотворение… плохо это, старик?

Лука. Да уж чего хорошего, коли любимое забыл? В любимом — вся душа…

Актер. Пропил я душу, старик… я, брат, погиб… А почему — погиб? Веры у меня не было… Кончен я…

Лука. Ну, чего? Ты… лечись! От пьянства нынче лечат, слышь! Бесплатно, браток, лечат… такая уж лечебница устроена для пьяниц… чтобы, значит, даром их лечить… Признали, видишь, что пьяница — тоже человек… и даже — рады, когда он лечиться желает! Ну-ка вот, валяй! Иди…

Актер *(задумчиво)*. Куда? Где это?

Лука. А это… в одном городе… как его? Название у него эдакое… Да я тебе город назову!.. Ты только вот чего: ты пока готовься! Воздержись!.. возьми себя в руки и — терпи… А потом — вылечишься… и начнешь жить снова… хорошо, брат, снова-то!

Ну, решай… в два приема…

Актер *(улыбаясь)*. Снова… сначала… Это — хорошо… Н-да… Снова? *(Смеется.)* Ну… да! Я могу?! Ведь могу, а?

Лука. А чего? Человек — все может… лишь бы захотел…

Актер *(вдруг, как бы проснувшись)*. Ты — чудак! Прощай пока! *(Свистит.)* Старичок… прощай… *(Уходит.)*

Анна. Дедушка!

Лука. Что, матушка?

Анна. Поговори со мной…

Лука *(подходя к ней)*. Давай, побеседуем…

Клещ оглядывается, молча подходит к жене, смотрит на нее и делает какие-то жесты руками, как бы желая что-то сказать.

Что, браток?

Клещ *(негромко)*. Ничего… *(Медленно идет к двери в сени, несколько секунд стоит пред ней и — уходит.)*

Лука *(проводив его взглядом)*. Тяжело мужику-то твоему…

Анна. Мне уж не до него…

Лука. Бил он тебя?

Анна. Еще бы… От него, чай, и зачахла…

Бубнов. У жены моей… любовник был; ловко, бывало, в шашки играл, шельма…

Медведев. Мм-м…

Анна. Дедушка! Говори со мной, милый… Тошно мне…

Лука. Это ничего! Это — перед смертью… голубка. Ничего, милая! Ты — надейся… Вот, значит, помрешь, и будет тебе спокойно… ничего больше не надо будет, и бояться — нечего! Тишина, покой… лежи себе! Смерть — она все успокаивает… она для нас ласковая… Помрешь — отдохнешь, говорится… верно это, милая! Потому — где здесь отдохнуть человеку?

***Пепел** входит. Он немного выпивши, растрепанный, мрачный. Садится у двери на нарах и сидит молча, неподвижно.*

Анна. А как там — тоже мука?

Лука. Ничего не будет! Ничего! Ты — верь! Спокой и — больше ничего! Призовут тебя к господу и скажут: господи, погляди-ка, вот пришла раба твоя, Анна…

Медведев *(строго)*. А ты почему знаешь, что там скажут? Эй, ты…

Пепел при звуке голоса Медведева поднимает голову и прислушивается.

Лука. Стало быть, знаю, господин ундер…

Медведев *(примирительно)*. М… да! Ну… твое дело… Хоша… я еще не совсем… ундер…

Бубнов. Двух беру…

Медведев. Ах ты… чтоб тебе!..

Лука. А господь — взглянет на тебя кротко-ласково и скажет: знаю я Анну эту! Ну, скажет, отведите ее, Анну, в рай! Пусть успокоится… Знаю я, жила она — очень трудно… очень устала… Дайте покой Анне…

Анна *(задыхаясь)*. Дедушка… милый ты… кабы так! Кабы… покой бы… не чувствовать бы ничего…

Лука. Не будешь! Ничего не будет! Ты — верь! Ты — с радостью помирай, без тревоги… Смерть, я те говорю, она нам — как мать малым детям…

Анна. А… может… может, выздоровлю я?

Лука *(усмехаясь)*. На что? На муку опять?

Анна. Ну… еще немножко… пожить бы… немножко! Коли там муки не будет… здесь можно потерпеть… можно!

Лука. Ничего там не будет!.. Просто…

Пепел *(вставая)*. Верно… а может, и — не верно!

Анна *(пугливо)*. Господи…

Лука. А, красавец…

Медведев. Кто орет?

Пепел *(подходя к нему)*. Я! А что?

Медведев. Зря орешь, вот что! Человек должен вести себя смирно…

Пепел. Э… дубина!.. А еще — дядя… х-хо!

Лука *(Пеплу, негромко)*. Слышь, — не кричи! Тут — женщина помирает… уж губы у нее землей обметало… не мешай!

Пепел. Тебе, дед, изволь, — уважу! Ты, брат, молодец! Врешь ты хорошо… сказки говоришь приятно! Ври, ничего — мало, брат, приятного на свете!

Бубнов. Вправду — помирает баба-то?

Лука. Кажись, не шутит…

Бубнов. Кашлять, значит, перестанет… Кашляла она очень беспокойно… Двух беру!

Медведев. Ах, пострели тебя в сердце!

Пепел. Абрам!

Медведев. Я тебе — не Абрам…

Пепел. Абрашка! Наташа — хворает?

Медведев. А тебе какое дело?

Пепел. Нет, ты скажи: сильно ее Василиса избила?

Медведев. И это дело не твое! Это — семейное дело… А ты — кто таков?

Пепел. Кто бы я ни был, а… захочу — и не ви-

дать вам больше Наташки!

Медведев *(бросая игру)*. Ты — что говоришь? Ты — про кого это? Племянница моя чтобы… ах, вор!

Пепел. Вор, а тобой не пойман…

Медведев. Погоди! Я — поймаю… я — скоро…

Пепел. А поймаешь, — на горе всему вашему гнезду. Ты думаешь — я молчать буду перед следователем? Жди от волка толка! Спросят: кто меня на воровство подбил и место указал? Мишка Костылев с женой! Кто краденое принял? Мишка Костылев с женой!

Медведев. Врешь! Не поверят тебе!

Пепел. Поверят, потому — правда! И тебя еще запутаю… ха! Погублю всех вас, черти, — увидишь!

Медведев *(теряясь)*. Врешь! И… врешь! И… что я тебе худого сделал? Пес ты бешеный…

Пепел. А что ты мне хорошего сделал?

Лука. Та-ак!

Медведев *(Луке)*. Ты… чего каркаешь? Твое тут — какое дело? Тут — семейное дело!

Бубнов *(Луке)*. Отстань! Не для нас с тобой петли вяжут.

Лука *(смиренно)*. Я ведь — ничего! Я только говорю, что, если кто кому хорошего не сделал, тот и худо поступил…

Медведев *(не поняв)*. То-то! Мы тут… все друг друга знаем… а ты — кто такой? *(Сердито фыркая, быстро уходит.)*

Лука. Рассердился кавалер… Охо-хо, дела у вас, братцы, смотрю я… путаные дела!

Пепел. Василисе жаловаться побежал…

Бубнов. Дуришь ты, Василий. Чего-то храбрости у тебя много завелось… гляди, храбрость у места, когда в лес по грибы идешь… а здесь она — ни к чему… Они тебе живо голову свернут…

Пепел. Н-ну, нет! Нас, ярославских, голыми руками не сразу возьмешь… Ежели война — будем воевать…

Лука. А в самом деле, отойти бы тебе, парень, прочь с этого места…

Пепел. Куда? Ну-ка, выговори…

Лука. Иди… в Сибирь!

Пепел. Эге! Нет, уж я погожу, когда пошлют меня в Сибирь эту на казенный счет…

Лука. А ты слушай — иди-ка! Там ты себе можешь путь найти… Там таких — надобно!

Пепел. Мой путь — обозначен мне! Родитель всю жизнь в тюрьмах сидел и мне тоже заказал… Я когда маленький был, так уж в ту пору меня звали вор, воров сын…

Лука. А хорошая сторона — Сибирь! Золотая

сторона! Кто в силе да в разуме, тому там — как огурцу в парнике!

Пепел. Старик! Зачем ты все врешь?

Лука. Ась?

Пепел. Оглох! Зачем врешь, говорю?

Лука. Это в чем же вру-то я?

Пепел. Во всем… Там у тебя хорошо, здесь хорошо… ведь — врешь! На что?

Лука. А ты мне — поверь, да поди сам погляди… Спасибо скажешь… Чего ты тут трешься? И… чего тебе правда больно нужна… подумай-ка! Она, правда-то, может, обух для тебя…

Пепел. А мне все едино! Обух, так обух…

Лука. Да чудак! На что самому себя убивать?

Бубнов. И чего вы оба мелете? Не пойму… Какой тебе, Васька, правды надо? И зачем? Знаешь ты правду про себя… да и все ее знают…

Пепел. Погоди, не каркай! Пусть он мне скажет… Слушай, старик: бог есть?

Лука молчит, улыбаясь.

Бубнов. Люди все живут… как щепки по реке плывут… строят дом… а щепки — прочь…

Пепел. Ну? Есть? Говори…

Лука *(негромко)*. Коли веришь, — есть; не веришь, — нет… Во что веришь, то и есть…

Пепел молча, удивленно и упорно смотрит на старика.

Бубнов. Пойду чаю попью… идемте в трактир? Эй!..

Лука *(Пеплу)*. Чего глядишь?

Пепел. Так… погоди!.. Значит…

Бубнов. Ну, я один… *(Идет к двери и встречаетсяс Василисой).*

Пепел. Стало быть… ты…

Василиса *(Бубнову)*. Настасья — дома?

Бубнов. Нет… *(Уходит.)*

Пепел. А… пришла…

Василиса *(подходя к Анне)*. Жива еще?

Лука. Не тревожь…

Василиса. А ты… чего тут торчишь?

Лука. Я могу уйти… коли надо…

Василиса *(направляясь к двери в комнату Пепла)*. Василий! У меня к тебе дело есть…

Лука подходит к двери в сени, отворяет ее и громко хлопает ею. Затем — осторожно влезает на нары и — на печь.

(Из комнаты Пепла.) Вася… поди сюда!

Пепел. Не пойду… не хочу…

Василиса. А… что же? На что гневаешься?

Пепел. Скушно мне… надоела мне вся эта ка-

нитель…

Василиса. И я… надоела?

Пепел. И ты…

Василиса крепко стягивает платок на плечах, прижимая руки ко груди. Идет к постели Анны, осторожно смотрит за полог и возвращается к Пеплу.

Ну… говори…

Василиса. Что же говорить? Насильно мил не будешь… и не в моем это характере милости просить… Спасибо тебе за правду…

Пепел. Какую правду?

Василиса. А что надоела я тебе… али это не правда?

Пепел молча смотрит на нее.

(Подвигаясь к нему.) Что глядишь? Не узнаёшь?

Пепел *(вздыхая)*. Красивая ты, Васка…

Женщина кладет ему руку на шею, но он стряхивает руку ее движением плеча.

…а никогда не лежало у меня сердце к тебе… И жил я с тобой, и всё… а никогда ты не нравилась мне…

Василиса *(тихо)*. Та-ак… Н-ну…

Пепел. Ну, не о чем нам говорить! Не о чем… иди от меня…

Василиса. Другая приглянулась?

Пепел. Не твое дело… И приглянулась — в свахи тебя не позову…

Василиса *(значительно)*. А напрасно… Может, я бы и сосватала…

Пепел *(подозрительно)*. Кого это?

Василиса. Ты знаешь… что притворяться? Василий… я — человек прямой… *(Тише.)* Скрывать не буду… ты меня обидел… Ни за что, ни про что — как плетью хлестнул… Говорил — любишь… и вдруг…

Пепел. Вовсе не вдруг… я давно… души в тебе нет баба… В женщине — душа должна быть… Мы — звери… нам надо… надо нас — приучать… а ты — к чему меня приучила?..

Василиса. Что было — того нет… Я знаю — человек сам в себе не волен… Не любишь больше… ладно! Так тому и быть…

Пепел. Ну, значит, и — шабаш! Разошлись смирно, без скандала… и хорошо!

Василиса. Нет, погоди! Все-таки… когда я с тобой жила… я все дожидалась, что ты мне поможешь из омута этого выбраться… освободишь

меня от мужа, от дяди… от всей этой жизни… И, может, я не тебя, Вася, любила, а… надежду мою, думу эту любила в тебе… Понимаешь? Ждала я, что вытащишь ты меня…

Пепел. Ты — не гвоздь, я — не клещи… Я сам думал, что ты, как умная… ведь ты умная… ты — ловкая!

Василиса *(близко наклоняясь к нему)*. Вася! давай… поможем друг другу…

Пепел. Как это?

Василиса *(тихо, сильно)*. Сестра… тебе нравится, я знаю…

Пепел. За то ты и бьешь ее зверски! Смотри, Васка! Ее — не тронь…

Василиса. Погоди! Не горячись! Можно все сделать тихо, по-хорошему… Хочешь — женись на ней? И я тебе еще денег дам… целковых… триста! Больше соберу — больше дам…

Пепел *(отодвигаясь)*. Постой… как это? За что?

Василиса. Освободи меня… от мужа! Сними с меня петлю эту…

Пепел *(тихо свистит)*. Вон что-о! Ого-го! Это — ты ловко придумала… мужа, значит, в гроб, любовника — на каторгу, а сама…

Василиса. Вася! Зачем — каторга? Ты — не сам… через товарищей! Да если и сам, кто узнает?

Наталья — подумай! Деньги будут… уедешь куда-нибудь… меня навек освободишь… и что сестры около меня не будет — это хорошо для нее. Видеть мне ее — трудно… злоблюсь я на нее за тебя… и сдержаться не могу… мучаю девку, бью ее… так — бью… что сама плачу от жалости к ней… А — бью. И — буду бить!

Пепел. Зверь! Хвастаешься зверством своим?

Василиса. Не хвастаюсь — правду говорю. Подумай, Вася… Ты два раза из-за мужа моего в тюрьме сидел… из-за его жадности… Он в меня, как клоп, впился… четыре года сосет! А какой он мне муж? Наташку теснит, измывается над ней, нищая, говорит! И для всех он — яд…

Пепел. Хитро ты плетешь…

Василиса. В речах моих — все ясно… Только глупый не поймет, чего я хочу…

Костылев *осторожно входит и крадется вперед.*

Пепел *(Василисе)*. Ну… иди!

Василиса. Подумай! *(Видит мужа.)* Ты — что? За мной?

Пепел вскакивает и дико смотрит на Костылева.

Костылев. Это я… я! А вы тут… одни? А-а… Вы — разговаривали? *(Вдруг топает ногами и громко визжит.)* Васка… поганая! Нищая… шкура! *(Пугается своего крика, встреченного молчанием и неподвижностью.)* Прости, господи… опять ты меня, Василиса, во грех ввела… Я тебя ищу везде… *(Взвизгивая.)* Спать пора! Масла в лампады забыла налить… у, ты! Нищая… свинья… *(Дрожащими руками машет на нее.)*

Василиса медленно идет к двери в сени, оглядываясь на Пепла.

Пепел *(Костылеву)*. Ты! Уйди… пошел!..

Костылев *(кричит)*. Я — хозяин! Сам пошел, да! Вор…

Пепел *(глухо)*. Уйди, Мишка…

Костылев. Не смей! Я тут… я тебя…

Пепел хватает его за шиворот и встряхивает. На печи раздается громкая возня и воющее позевыванье. Пепел выпускает Костылева, старик с криком бежит в сени.

Пепел *(вспрыгнув на нары)*. Кто это… кто на печи?

Лука *(высовывая голову)*. Ась?

Пепел. Ты?!

Лука *(спокойно)*. Я… я самый… о, господи Исусе Христе!

Пепел *(затворяет дверь в сени, ищет запора и не находит)*. А, черти… Старик, слезай!

Лука. Сейча-ас… лезу…

Пепел *(грубо)*. Ты зачем на печь залез?

Лука. А куда надо было?

Пепел. Ведь… ты в сени ушел?

Лука. В сенях, браточек, мне, старику, холодно…

Пепел. Ты… слышал?

Лука. А — слышал! Как не слышать? Али я — глухой? Ах, парень, счастье тебе идет… Вот идет счастье!

Пепел *(подозрительно)*. Какое счастье? В чем?

Лука. А вот в том, что я на печь залез.

Пепел. А… зачем ты там возиться начал?

Лука. Затем, значит, что — жарко мне стало… на твое сиротское счастье… И — опять же — смекнул я, как бы, мол, парень-то не ошибся… не придушил бы старичка-то…

Пепел. Да-а… я это мог… ненавижу…

Лука. Что мудреного? Ничего нет трудного… Часто эдак-то ошибаются…

Пепел *(улыбаясь)*. Ты — что? Сам, что ли, ошибся однажды?

Лука. Парень! Слушай-ка, что я тебе скажу: бабу эту — прочь надо! Ты ее — ни-ни! — до себя не допускай… Мужа — она и сама со света сживет, да еще половчее тебя, да! Ты ее, дьяволицу, не слушай… Гляди — какой я? Лысый… А отчего? От этих вот самых разных баб… Я их, баб-то, может, больше знал, чем волос на голове было… А эта Василиса — она… хуже черемиса!

Пепел. Не понимаю я… спасибо тебе сказать, или ты… тоже…

Лука. Ты — не говори! Лучше моего не скажешь! Ты слушай: которая тут тебе нравится, бери ее под руку, да отсюда — шагом марш! — уходи! Прочь уходи…

Пепел *(угрюмо)*. Не поймешь людей! Которые — добрые, которые — злые?.. Ничего не понятно…

Лука. Чего там понимать? Всяко живет человек… как сердце налажено, так и живет… сегодня — добрый, завтра — злой… А коли девка эта за душу тебя задела всурьез… уйди с ней отсюда, и кончено… А то — один иди… Ты — молодой, успеешь бабой обзавестись…

Пепел *(берет его за плечо)*. Нет, ты скажи — зачем ты все это…

Лука. Погоди-ка, пусти… Погляжу я на Анну… чего-то она хрипела больно… *(Идет к постели Ан-*

ны, открывает полог, смотрит, трогает рукой.)

Пепел задумчиво и растерянно следит за ним.

Исусе Христе, многомилостивый! Дух новопреставленной рабы твоей Анны с миром прими…

Пепел *(тихо)*. Умерла?.. *(Не подходя, вытягивается и смотрит на кровать.)*

Лука *(тихо)*. Отмаялась!.. А где мужик-то ее?

Пепел. В трактире, наверно…

Лука. Надо сказать…

Пепел *(вздрагивая)*. Не люблю покойников…

Лука *(идет к двери)*. За что их любить?.. Любить — живых надо… живых…

Пепел. И я с тобой…

Лука. Боишься?

Пепел. Не люблю…

Торопливо выходят. Пустота и тишина. За дверью в сени слышен глухой шум, неровный, непонятный. Потом — входит ***Актер***.

Актер *(останавливается, не затворяя двери, на пороге и, придерживаясь руками за косяки, кричит)*. Старик, эй! Ты где? Я — вспомнил… слушай. *(Шатаясь, делает два шага вперед и, принимая позу, читает.)*

Господа! Если к правде святой

Мир дорогу найти не умеет, –
Честь безумцу, который навеет
Человечеству сон золотой!

***Наташа** является сзади Актера в двери.*

Старик!..

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло,
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь…

Наташа *(смеется).* Чучело! Нализался…

Актер *(оборачиваясь к ней).* А-а, это ты? А — где старичок… милый старикашка? Здесь, по-видимому, — никого нет… Наташа, прощай! Прощай… да!

Наташа *(входя).* Не здоровался, а прощаешься…

Актер *(загораживает ей дорогу).* Я — уезжаю, ухожу… Настанет весна — и меня больше нет…

Наташа. Пусти-ка… куда это ты?

Актер. Искать город… лечиться… Ты — тоже уходи… Офелия… иди в монастырь… Понимаешь — есть лечебница для организмов… для пьяниц… Превосходная лечебница… Мрамор… мраморный

пол! Свет… чистота, пища… всё — даром! И мраморный пол, да! Я ее найду, вылечусь и… снова буду… Я на пути к возрожденью… как сказал… король… Лир! Наташа… по сцене мое имя Сверчков-Заволжский… никто этого не знает, никто! Нет у меня здесь имени… Понимаешь ли ты, как это обидно — потерять имя? Даже собаки имеют клички…

Наташа осторожно обходит Актера, останавливается у кровати Анны, смотрит.

Без имени — нет человека…

Наташа. Гляди… голубчик… померла ведь…

Актер *(качая головой)*. Не может быть…

Наташа *(отступая)*. Ей-богу… смотри…

Бубнов *(в двери)*. Чего смотреть?

Наташа. Анна-то… померла!

Бубнов. Кашлять перестала, значит. *(Идет к постели Анны, смотрит, идет на свое место.)* Надо Клещу сказать… это — его дело…

Актер. Я иду… скажу… потеряла имя!.. *(Уходит.)*

Наташа *(посреди комнаты)*. Вот и я… когда-нибудь так же… в подвале… забитая…

Бубнов *(расстилая на своих нарах какое-то тряпье)*. Чего? Ты чего бормочешь?

Наташа. Так… про себя…

Бубнов. Ваську ждешь? Гляди — сломит тебе голову Васька…

Наташа. А не все равно — кто сломит? Уж пускай лучше он…

Бубнов *(ложится)*. Ну, твое дело…

Наташа. Ведь вот… хорошо, что она умерла… а жалко… Господи!.. Зачем жил человек?

Бубнов. Все так: родятся, поживут, умирают. И я помру… и ты… Чего жалеть?

Входят. ***Лука***, ***Татарин***, ***Кривой Зоб*** *и* ***Клещ****. Клещ идет сзади всех, медленно, съежившись.*

Наташа. Ш-ш! Анна…

Кривой Зоб. Слышали… царство небесное, коли померла…

Татарин *(Клещу)*. Надо вон тащить! Сени надо тащить! Здесь — мертвый — нельзя, здесь — живой спать будет…

Клещ *(негромко)*. Вытащим…

Все подходят к постели. Клещ смотрит на жену через плечи других.

Кривой Зоб *(Татарину)*. Ты думаешь — дух пойдет? От нее духа не будет… она вся еще живая высохла…

Наташа. Господи! Хоть бы пожалели… хоть бы кто слово сказал какое-нибудь! Эх вы…

Лука. Ты, девушка, не обижайся… ничего! Где им… куда нам — мертвых жалеть? Э, милая! Живых — не жалеем… сами себя пожалеть-то не можем… где тут!

Бубнов *(зевая)*. И опять же — смерть слова не боится!.. Болезнь — боится слова, а смерть — нет!

Татарин *(отходя)*. Полицию надо…

Кривой Зоб. Полицию — это обязательно! Клещ! Полиции заявил?

Клещ. Нет… Хоронить надо… а у меня сорок копеек всего…

Кривой Зоб. Ну, на такой случай — займи… а то мы соберем… кто пятак, кто — сколько может… А полиции заяви… скорее! А то она подумает — убил ты бабу… или что… *(Идет к нарам и собирается лечь рядом с Татарином.)*

Наташа *(отходя к нарам Бубнова)*. Вот… будет она мне сниться теперь… мне всегда покойники снятся… Боюсь идти одна… в сенях — темно…

Лука *(следуя за ней)*. Ты — живых опасайся… вот что я скажу…

Наташа. Проводи меня, дедушка…

Лука. Идем… идем, провожу!

Уходят. Пауза.

Кривой Зоб. Охо-хо-о! Асан! Скоро весна, друг… тепло нам жить будет! Теперь уж в деревнях мужики сохи, бороны чинят… пахать налаживаются… н-да! А мы… Асан!.. Дрыхнет уж, Магомет окаянный…

Бубнов. Татары спать любят…

Клещ *(стоит посредине ночлежки и тупо смотрит пред собой)*. Чего же мне теперь делать?

Кривой Зоб. Ложись да спи… только и всего…

Клещ *(тихо)*. А… она… как же?

Никто не отвечает ему. ***Сатин*** *и* ***Актер*** *входят.*

Актер *(кричит)*. Старик! Сюда, мой верный Кент…

Сатин. Миклуха-Маклай идет… х-хо!

Актер. Кончено и решено! Старик, где город… где ты?

Сатин. Фата-моргана! Наврал тебе старик… Ничего нет! Нет городов, нет людей… ничего нет!

Актер. Врешь!

Татарин *(вскакивая)*. Где хозяин? Хозяину иду! Нельзя спать — нельзя деньги брать… Мертвые… пьяные… *(Быстро уходит.)*

Сатин свистит вслед ему.

Бубнов *(сонным голосом)*. Ложись, ребята, не шуми… ночью — спать надо!

Актер. Да… здесь — ага! Мертвец… «Наши сети притащили мертвеца»… стихотворение… Б-бе-ранжера!

Сатин *(кричит)*. Мертвецы — не слышат! Мертвецы не чувствуют… Кричи… реви… мертвецы не слышат!..

В двери является ***Лука****.*

Занавес

Акт третий

«Пустырь» — засоренное разным хламом и заросшее бурьяном дворовое место. В глубине его — высокий кирпичный брандмауер. Он закрывает небо. Около него — кусты бузины. Направо — темная, бревенчатая стена какой-то надворной постройки: сарая или конюшни. А налево — серая, покрытая остатками штукатурки стена того дома, в котором помещается ночлежка Костылевых. Она стоит наискось, так что ее задний угол выходит почти на средину пустыря. Между ею и красной стеной — узкий проход. В серой стене два окна: одно — в уровень с землей, другое — аршина на два выше и ближе к брандмауеру. У этой стены лежат розвальни кверху полозьями и обрубок бревна, длиною аршина в четыре. Направо у стены — куча старых досок, брусьев. Вечер, заходит солнце, освещая брандмауер красноватым светом. Ранняя весна, недавно стаял снег. Черные сучья бузины еще без почек. На бревне сидят рядом ***Наташа*** *и* ***Настя****. На дровнях —* ***Лука*** *и* ***Барон****.* ***Клещ*** *лежит на куче дерева у правой стены. В окне у земли — рожа* ***Бубнова****.*

Настя *(закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает).* Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились… а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и — белый как мел, а в руках у него леворверт…

Наташа *(грызет семечки).* Ишь! Видно, правду говорят, что студенты — отчаянные…

Настя. И говорит он мне страшным голосом: «Драгоценная моя любовь…»

Бубнов. Хо-хо! Драгоценная?

Барон. Погоди! Не любо — не слушай, а врать не мешай… Дальше!

Настя. «Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дают, чтобы я венчался с тобой… и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишить себя жизни…» А леворверт у него — агромадный и заряжен десятью пулями… «Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! — решился я бесповоротно… жить без тебя — никак не могу». И отвечала я ему: «Незабвенный друг мой… Рауль…»

Бубнов *(удивленный).* Чего-о? Как? Краул?

Барон *(хохочет).* Настька! Да ведь… ведь прошлый раз — Гастон был!

Настя *(вскакивая)*. Молчите… несчастные! Ах… бродячие собаки! Разве… разве вы можете понимать… любовь? Настоящую любовь? А у меня — была она… настоящая! *(Барону.)* Ты! Ничтожный!.. Образованный ты человек… говоришь — лежа кофей пил…

Лука. А вы — погоди-ите! Вы — не мешайте! Уважьте человеку… не в слове — дело, а — почему слово говорится? — вот в чем дело! Рассказывай, девушка, ничего!

Бубнов. Раскрашивай, ворона, перья… валяй!

Барон. Ну — дальше!

Наташа. Не слушай их… что они? Они — из зависти это… про себя им сказать нечего…

Настя *(снова садится)*. Не хочу больше! Не буду говорить… Коли они не верят… коли смеются… *(Вдруг, прерывая речь, молчит несколько секунд и, вновь закрыв глаза, продолжает горячо и громко, помахивая рукой в такт речи и точно вслушиваясь в отдаленную музыку.)* И вот — отвечаю я ему: «Радость жизни моей! Месяц ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете… потому как люблю я тебя безумно и буду любить, пока сердце бьется во груди моей! Но, говорю, не лишай себя молодой твоей жизни… как нужна она дорогим твоим родителям, для

которых ты — вся их радость… Брось меня! Пусть лучше я пропаду… от тоски по тебе, жизнь моя… я — одна… я — таковская! Пускай уж я… погибаю, — все равно! Я — никуда не гожусь… и нет мне ничего… нет ничего…» *(Закрывает лицо руками и беззвучно плачет.)*

Наташа *(отвертываясь в сторону, негромко)*. Не плачь… не надо!

Лука, улыбаясь, гладит голову Насти.

Бубнов *(хохочет)*. Ах… чертова кукла! а?

Барон *(тоже смеется)*. Дедка! Ты думаешь — это правда? Это все из книжки «Роковая любовь»… Все это — ерунда! Брось ее!..

Наташа. А тебе что? Ты! Молчи уж… коли бог убил…

Настя *(яростно)*. Пропащая душа! Пустой человек! Где у тебя — душа?

Лука *(берет Настю за руку)*. Уйдем, милая! ничего… не сердись! Я — знаю… Я — верю! Твоя правда, а не ихняя… Коли ты веришь, была у тебя настоящая любовь… значит — была она! Была! А на него — не сердись, на сожителя-то… Он… может, и впрямь из зависти смеется… у него, может, вовсе не было настоящего-то… ничего не было! Пойдем-ка!..

Настя *(крепко прижимая руки ко груди)*. Дедушка! Ей-богу… было это! Все было!.. Студент он… француз был… Гастошей звали… с черной бородкой… в лаковых сапогах ходил… разрази меня гром на этом месте! И так он меня любил… так любил!

Лука. Я — знаю! Ничего! Я верю! В лаковых сапогах, говоришь? А-яй-ай! Ну — и ты его тоже — любила?

Уходят за угол.

Барон. Ну и глупа же эта девица… добрая, но… глупа — нестерпимо!

Бубнов. И чего это… человек врать так любит? Всегда — как перед следователем стоит… право!

Наташа. Видно, вранье-то… приятнее правды… Я — тоже…

Барон. Что — тоже? Дальше?!

Наташа. Выдумываю… Выдумываю и — жду…

Барон. Чего?

Наташа *(смущенно улыбаясь)*. Так… Вот, думаю, завтра… приедет кто-то… кто-нибудь… особенный… Или — случится что-нибудь… тоже — небывалое… Подолгу жду… всегда — жду… А так… на самом деле — чего можно ждать?

Пауза.

Барон *(с усмешкой)*. Нечего ждать… Я — ничего не жду! Все уже… было! Прошло… кончено!.. Дальше!

Наташа. А то… воображу себе, что завтра я… скоропостижно помру… И станет от этого — жутко… Летом хорошо воображать про смерть… грозы бывают летом… всегда может грозой убить…

Барон. Нехорошо тебе жить… эта сестра твоя… дьявольский характер!

Наташа. А кому — хорошо жить? Всем плохо… я вижу…

Клещ *(до этой поры неподвижный и безучастный — вдруг вскакивает)*. Всем? Врешь! Не всем! Кабы — всем… пускай! Тогда — не обидно… да!

Бубнов. Что тебя — черт боднул? Ишь ты… взвыл как!

Клещ снова ложится на свое место и ворчит.

Барон. А… надо мне к Настёнке мириться идти… не помиришься — на выпивку не даст…

Бубнов. Мм… Любят врать люди… Ну, Настька… дело понятное! Она привыкла рожу себе подкрашивать… вот и душу хочет подкрасить… румянец на душу наводит… А… другие — зачем? Вот — Лука, примерно… много он врет… и без всякой пользы для себя… Старик уж… Зачем бы ему?

Барон *(усмехаясь, отходит).* У всех людей — души серенькие… все подрумяниться желают…

Лука *(выходит из-за угла).* Ты, барин, зачем девку тревожишь? Ты бы не мешал ей… пускай плачет-забавляется… Она ведь для своего удовольствия слезы льет… чем тебе это вредно?

Барон. Глупо, старик! Надоела она… Сегодня — Рауль, завтра — Гастон… а всегда одно и то же! Впрочем — я иду мириться с ней… *(Уходит.)*

Лука. Поди-ка, вот… приласкай! Человека приласкать — никогда не вредно…

Наташа. Добрый ты, дедушка… Отчего ты — такой добрый?

Лука. Добрый, говоришь? Ну… и ладно, коли так… да!

За красной стеной тихо звучит гармоника и песня.

Надо, девушка, кому-нибудь и добрым быть… жалеть людей надо! Христос-от всех жалел и нам так велел… Я те скажу — вовремя человека пожалеть… хорошо бывает! Вот, примерно, служил я сторожем на даче… у инженера одного под Томском-городом… Ну, ладно! В лесу дача стояла, место — глухое… а зима была, и — один я, на даче-то… Славно-хорошо! Только раз — слышу

— лезут!

Наташа. Воры?

Лука. Они. Лезут, значит, да!.. Взял я ружьишко, вышел… Гляжу — двое… открывают окно — и так занялись делом, что меня и не видят. Я им кричу: ах вы!.. пошли прочь!.. А они, значит, на меня с топором… Я их упреждаю — отстаньте, мол! А то сейчас — стрелю!.. Да ружьишко-то то на одного, то на другого и навожу. Они — на коленки пали: дескать, — пусти! Ну, а я уж того… осердился… за топор-то, знаешь! Говорю — я вас, лешие, прогонял, не шли… а теперь, говорю, ломай ветки один который-нибудь! Наломали они. Теперь, приказываю, один — ложись, а другой — пори его! Так они, по моему приказу, и выпороли дружка дружку. А как выпоролись они… и говорят мне — дедушка, говорят, дай хлебца Христа ради! Идем, говорят, не жрамши. Вот те и воры, милая *(смеется)*… вот те и с топором! Да… Хорошие мужики оба… Я говорю им: вы бы, лешие, прямо бы хлеба просили. А они — надоело, говорят… просишь-просишь, а никто не дает… обидно!.. Так они у меня всю зиму и жили. Один, — Степаном звать, — возьмет, бывало, ружьишко и закатится в лес. А другой — Яков был, все хворал, кашлял все… Втроем, значит, мы дачу-то и стерегли. При-

шла весна — прощай, говорят, дедушка! И ушли… В Россию побрели…

Наташа. Они — беглые? Каторжане?

Лука. Действительно — так, — беглые… с поселенья ушли… Хорошие мужики!.. Не пожалей я их — они бы, может, убили меня… али еще что… А потом — суд, да тюрьма, да Сибирь… что толку? Тюрьма — добру не научит, и Сибирь не научит… а человек — научит… да! Человек — может добру научить… очень просто!

Пауза.

Бубнов. Мм-да!.. А я вот… не умею врать! Зачем? По-моему — вали всю правду, как она есть! Чего стесняться?

Клещ *(вдруг снова вскакивает, как обожженный, и кричит).* Какая — правда? Где — правда? *(Треплет руками лохмотья на себе.)* Вот — правда! Работы нет… силы нет! Вот — правда! Пристанища… пристанища нету! Издыхать надо… вот она, правда! Дьявол! На… на что мне она — правда? Дай вздохнуть… вздохнуть дай! Чем я виноват?.. За что мне — правду? Жить — дьявол — жить нельзя… вот она — правда!..

Бубнов. Вот так… забрало!..

Лука. Господи Исусе… слышь-ка, милый! Ты…

Клещ *(дрожит от возбуждения)*. Говорите тут — пра-авда! Ты, старик, утешаешь всех… Я тебе скажу… ненавижу я всех! И эту правду… будь она, окаянная, проклята! Понял? Пойми! Будь она — проклята! *(Бежит за угол, оглядываясь.)*

Лука. Ай-яй-ай! Как встревожился человек… И куда побежал?

Наташа. Все равно как рехнулся…

Бубнов. Здорово пущено! Как в театре разыграл… Бывает это, частенько… Не привык еще к жизни-то…

Пепел *(медленно выходит из-за угла)*. Мир честной компании! Что, Лука, старец лукавый, всё истории рассказываешь?

Лука. Видел бы ты… как тут человек кричал!

Пепел. Это Клещ, что ли? Чего он? Бежит как ошпаренный…

Лука. Побежишь, если этак… к сердцу подступит…

Пепел *(садится)*. Не люблю его… больно он зол да горд. *(Передразнивая Клеща.)* «Я — рабочий человек». И — все его ниже будто… Работай, коли нравится… чем же гордиться тут? Ежели людей по работе ценить… тогда лошадь лучше всякого человека… возит и — молчит! Наташа! Твои — дома?

Наташа. На кладбище ушли… потом — ко всенощной хотели…

Пепел. То-то, я гляжу, свободна ты… редкость!

Лука *(задумчиво, Бубнову)*. Вот… ты говоришь — правда… Она, правда-то, — не всегда по недугу человеку… не всегда правдой душу вылечишь… Был, примерно, такой случай: знал я одного человека, который в праведную землю верил…

Бубнов. Во что-о?

Лука. В праведную землю. Должна, говорил, быть на свете праведная земля… в той, дескать, земле — особые люди населяют… хорошие люди! друг дружку они уважают, друг дружке — завсякопросто — помогают… и все у них славно-хорошо! И вот человек все собирался идти… праведную эту землю искать. Был он — бедный, жил — плохо… и, когда приходилось ему так уж трудно, что хоть ложись да помирай, — духа он не терял, а все, бывало, усмехался только да высказывал: «Ничего! потерплю! Еще несколько — пожду… а потом — брошу всю эту жизнь и — уйду в праведную землю…» Одна у него радость была — земля эта…

Пепел. Ну? Пошел?

Бубнов. Куда? Хо-хо!

Лука. И вот в это место — в Сибири дело-то было — прислали ссыльного, ученого… с книгами, с

планами он, ученый-то, и со всякими штуками… Человек и говорит ученому: «Покажи ты мне, сделай милость, где лежит праведная земля и как туда дорога?» Сейчас это ученый книги раскрыл, планы разложил… глядел-глядел — нет нигде праведной земли! Всё верно, все земли показаны, а праведной — нет!..

Пепел *(негромко)*. Ну? Нету?

Бубнов хохочет.

Наташа. Погоди ты… ну, дедушка?

Лука. Человек — не верит… Должна, говорит, быть… ищи лучше! А то, говорит, книги и планы твои — ни к чему, если праведной земли нет… Ученый — в обиду. Мои, говорит, планы самые верные, а праведной земли вовсе нигде нет. Ну, тут и человек рассердился — как так? Жил-жил, терпел-терпел и все верил — есть! а по планам выходит — нету! Грабеж!.. И говорит он ученому: «Ах ты… сволочь эдакой! Подлец ты, а не ученый…» Да в ухо ему — раз! Да еще!.. *(Помолчав.)* А после того пошел домой — и удавился!..

Все молчат. Лука, улыбаясь, смотрит на Пепла и Наташу.

Пепел *(негромко)*. Ч-черт те возьми… история

— невеселая…

Наташа. Не стерпел обмана…

Бубнов *(угрюмо)*. Всё — сказки…

Пепел. Н-да… вот те и праведная земля… не оказалось, значит…

Наташа. Жалко… человека-то…

Бубнов. Всё — выдумки… тоже! Хо-хо! Праведная земля! Туда же! Хо-хо-хо! *(Исчезает из окна.)*

Лука *(кивая головой на окно Бубнова)*. Смеется! Эхе-хе…

Пауза.

Ну, ребята!.. живите богато! Уйду скоро от вас…

Пепел. Куда теперь?

Лука. В хохлы… Слыхал я — открыли там новую веру… поглядеть надо… да!.. Всё ищут люди, всё хотят — как лучше… Дай им, господи, терпенья!

Пепел. Как думаешь… найдут?

Лука. Люди-то? Они — найдут! Кто ищет — найдет… Кто крепко хочет — найдет!

Наташа. Кабы нашли что-нибудь… придумали бы получше что…

Лука. Они — придумают! Помогать только надо им, девонька… уважать надо…

Наташа. Как я помогу? Я сама… без помощи…

Пепел *(решительно)*. Опять я… снова я буду

говорить с тобой… Наташа… Вот — при нем… он — все знает… Иди… со мной!

Наташа. Куда? По тюрьмам?

Пепел. Я сказал — брошу воровство! Ей-богу — брошу! Коли сказал — сделаю! Я — грамотный… буду работать… Вот он говорит — в Сибирь-то по своей воле надо идти… Едем туда, ну?.. Ты думаешь — моя жизнь не претит мне? Эх, Наташа! Я знаю… вижу!.. Я утешаю себя тем, что другие побольше моего воруют, да в чести живут… только это мне не помогает! Это… не то! Я — не каюсь… в совесть я не верю… Но — я одно чувствую: надо жить… иначе! Лучше надо жить! Надо так жить… чтобы самому себя можно мне было уважать…

Лука. Верно, милый! Дай тебе господи… помоги тебе Христос! Верно: человек должен уважать себя…

Пепел. Я — сызмалетства — вор… все, всегда говорили мне: вор Васька, воров сын Васька! Ага? Так? Ну — нате! Вот — я вор!.. Ты пойми: я, может быть, со зла вор-то… оттого я вор, что другим именем никто никогда не догадался назвать меня… Назови ты… Наташа, ну?

Наташа *(грустно)*. Не верю я как-то… никаким словам… И беспокойно мне сегодня… сердце щемит… будто жду я чего-то. Напрасно ты, Василий,

разговор этот сегодня завел…

Пепел. Когда же? Я не первый раз говорю…

Наташа. И что же я с тобой пойду? Ведь… любить тебя… не очень я люблю… Иной раз — нравишься ты мне… а когда — глядеть на тебя тошно… Видно — не люблю я тебя… когда любят — плохого в любимом не видят… а я — вижу…

Пепел. Полюбишь — не бойся! Я тебя приучу к себе… ты только согласись! Больше года я смотрел на тебя… вижу, ты девица строгая… хорошая… надежный человек… очень полюбил тебя!..

Василиса, нарядная, является в окне и, стоя у косяка, слушает.

Наташа. Так. Меня — полюбил, а сестру мою…

Пепел *(смущенно)*. Ну, что она? Мало ли… эдаких-то…

Лука. Ты… ничего, девушка! Хлеба нету, — лебеду едят… если хлебушка-то нету…

Пепел *(угрюмо)*. Ты… пожалей меня! Несладко живу… волчья жизнь — мало радует… Как в трясине тону… за что ни схватишься… все — гнилое… все — не держит… Сестра твоя… я думал, она… не то… Ежели бы она… не жадная до денег была — я бы ее ради… на все пошел!.. Лишь бы она — вся моя была… Ну, ей другого надо… ей — денег надо…

и воли надо… а воля ей — чтобы развратничать. Она — помочь мне не может… А ты — как молодая елочка — и колешься, а сдержишь…

Лука. И я скажу — иди за него, девонька, иди! Он — парень ничего, хороший! Ты только почаще напоминай ему, что он хороший парень, чтобы он, значит, не забывал про это! Он тебе — поверит… Ты только поговаривай ему: «Вася, мол, ты — хороший человек… не забывай!» Ты подумай, милая, куда тебе идти окроме-то? Сестра у тебя — зверь злой… про мужа про ее — и сказать нечего: хуже всяких слов старик… и вся эта здешняя жизнь… Куда тебе идти? А парень — крепкий…

Наташа. Идти некуда… я знаю… думала… Только вот… не верю я никому… А идти мне — некуда…

Пепел. Одна дорога… ну, на эту дорогу я не допущу… Лучше убью…

Наташа *(улыбаясь)*. Вот… еще не жена я тебе, а уж хочешь убить.

Пепел *(обнимает ее)*. Брось, Наташа! Все равно!..

Наташа *(прижимаясь к нему)*. Ну… одно я тебе скажу, Василий… вот как перед богом говорю! — как только ты меня первый раз ударишь… или иначе обидишь… я — себя не пожалею… или сама

удавлюсь, или…

Пепел. Пускай у меня рука отсохнет, коли я тебя трону!..

Лука. Ничего, не сумневайся, милая! Ты ему нужнее, чем он — тебе…

Василиса *(из окна)*. Вот и сосватались! Совет да любовь!

Наташа. Пришли!.. ох, господи! Видели… эх, Василий!

Пепел. Чего ты испугалась? Теперь никто не смеет тронуть тебя!

Василиса. Не бойся, Наталья! Он тебя бить не станет… Он ни бить, ни любить не может… я знаю!

Лука *(негромко)*. Ах, баба… гадюка ядовитая…

Василиса. Он больше на словах удал…

Костылев *(выходит)*. Наташка! Ты что тут делаешь, дармоедка? Сплетни плетешь? На родных жалуешься? А самовар не готов? На стол не собрано?

Наташа *(уходя)*. Да ведь вы в церковь идти хотели…

Костылев. Не твое дело, чего мы хотели! Ты должна свое дело делать… что тебе приказано!

Пепел. Цыц, ты! Она тебе больше не слуга… Наталья, не ходи… не делай ничего!..

Наташа. Ты — не командуй… рано еще! *(Уходит.)*

Пепел *(Костылеву)*. Будет вам! Поиздевались над человеком… достаточно! Теперь она — моя!

Костылев. Тво-оя? Когда купил? Сколько дал?

Василиса хохочет.

Лука. Вася! Ты — уйди…

Пепел. Глядите вы… веселые! Не заплакать бы вам!

Василиса. Ой, страшно! Ой, боюсь!

Лука. Василий — уйди! Видишь — подстрекает она тебя… подзадоривает — понимаешь?

Пепел. Да… ага! Врет… врешь! Не быть тому, чего тебе хочется!

Василиса. И того не будет, чего я не захочу, Вася!

Пепел *(грозит ей кулаком)*. Поглядим!.. *(Уходит.)*

Василиса *(исчезая из окна)*. Устрою я тебе свадебку!

Костылев *(подходит к Луке)*. Что, старичок?

Лука. Ничего, старичок!..

Костылев. Так… Уходишь, говорят?

Лука. Пора…

Костылев. Куда?

Лука. Куда глаза поведут…

Костылев. Бродяжить, значит… Неудобство, видно, имеешь на одном-то месте жить?

Лука. Под лежач камень — сказано — и вода не течет…

Костылев. То — камень. А человек должен на одном месте жить… Нельзя, чтобы люди вроде тараканов жили… Куда кто хочет — туда и ползет… Человек должен определять себя к месту… а не путаться зря на земле…

Лука. А если которому — везде место?

Костылев. Стало быть, он — бродяга… бесполезный человек… Нужно, чтоб от человека польза была… чтобы он работал…

Лука. Ишь ты!

Костылев. Да. А как же?.. Что такое… странник? Странный человек… непохожий на других… Ежели он — настояще странен… что-нибудь знает… что-нибудь узнал эда-кое… не нужное никому… может, он и правду узнал там… ну, не всякая правда нужна… да! Он — про себя ее храни… и — молчи! Ежели он настояще-то… странен… он — молчит! А то — так говорит, что никому не понятно… И он — ничего не желает, ни во что не мешается, людей зря не мутит… Как люди живут — не его дело… Он должен преследовать

праведную жизнь… должен жить в лесах… в трущобах… невидимо! И никому не мешать, никого не осуждать… а за всех — молиться… за все мирские грехи… за мои, за твои… за все! Он для того и суеты мирской бежит… чтобы молиться. Вот как…

Пауза.

А ты… какой ты странник?.. Пачпорта не имеешь… Хороший человек должен иметь пачпорт… Все хорошие люди пачпорта имеют… да!..

Лука. Есть — люди, а есть — иные — и человеки…

Костылев. Ты… не мудри! Загадок не загадывай… Я тебя не глупее… Что такое — люди и человеки?

Лука. Где тут загадка? Я говорю — есть земля, неудобная для посева… и есть урожайная земля… что ни посеешь на ней — родит… Так-то вот…

Костылев. Ну? Это к чему же?

Лука. Вот ты, примерно… Ежели тебе сам господь бог скажет: «Михаиле! Будь человеком!..» Все равно — никакого толку не будет… как ты есть — так и останешься…

Костылев. А… а — ты знаешь? — у жены моей дядя — полицейский? И если я…

Василиса *(входит)*. Михаила Иваныч, иди чай пить.

Костылев *(Луке)*. Ты… вот что: пошел-ка вон! долой с квартиры!..

Василиса. Да, убирайся-ка, старик!.. Больно у тебя язычок длинен… Да и кто знает?.. может, ты беглый какой…

Костылев. Сегодня же чтобы духа твоего не было! А то я… смотри!

Лука. Дядю позовешь? Позови дядю… Беглого, мол, изловил… Награду дядя получить может… копейки три…

Бубнов *(в окне)*. Чем тут торгуют? За что — три копейки?

Лука. Меня вот грозятся продать…

Василиса *(мужу)*. Идем…

Бубнов. За три копейки? Ну, гляди, старик… Они и за копейку продадут…

Костылев *(Бубнову)*. Ты… вытаращился, ровно домовой из-под печки! *(Идет с женой.)*

Василиса. Сколько на свете темных людей… и жуликов разных!..

Лука. Приятного вам аппетиту!..

Василиса *(оборачиваясь)*. Попридержи язык… гриб поганый! *(Уходит с мужем за угол.)*

Лука. Сегодня в ночь — уйду…

Бубнов. Это — лучше. Вовремя уйти всегда лучше…

Лука. Верно говоришь…

Бубнов. Я — знаю! Я, может, от каторги спасся тем, что вовремя ушел.

Лука. Ну?

Бубнов. Правда. Было так: жена у меня с мастером связалась… Мастер, положим, хороший… очень он ловко собак в енотов перекрашивал… кошек тоже — в кенгурий мех… выхухоль… и всяко. Ловкач. Так вот — связалась с ним жена… И так они крепко друг за друга взялись, что — того и гляди — либо отравят меня, либо еще как со света сживут. Я было — жену бить… а мастер — меня… Очень злобно дрался! Раз — половину бороды выдрал у меня и ребро сломал. Ну и я тоже обозлился… однажды жену по башке железным аршином тяпнул… и вообще — большая война началась! Однако вижу — ничего эдак не выйдет… одолевают они меня! И задумал я тут — укокошить жену… крепко задумал! Но вовремя спохватился — ушел…

Лука. Эдак-то лучше! Пускай их там из собак енотов делают!..

Бубнов. Только… мастерская-то на жену была… и остался я — как видишь! Хоть, по правде

говоря, пропил бы я мастерскую… Запой у меня, видишь ли…

Лука. Запой? А-а!

Бубнов. Злющий запой! Как начну я заливать — весь пропьюсь, одна кожа остается… И еще — ленив я. Страсть как работать не люблю!..

***Сатин** и **Актер** входят, споря.*

Сатин. Чепуха! Никуда ты не пойдешь… все это чертовщина! Старик! Чего ты надул в уши этому огарку?

Актер. Врешь! Дед! Скажи ему, что он — врет! Я — иду! Я сегодня — работал, мел улицу… а водки — не пил! Каково? Вот они — два пятиалтынных, а я — трезв!

Сатин. Нелепо, и всё тут! Дай, я пропью… а то — проиграю…

Актер. Пошел прочь! Это — на дорогу!

Лука *(Сатину)*. А ты — почто его с толку сбиваешь?

Сатин. «Скажи мне, кудесник, любимец богов, — что сбудется в жизни со мною?» Продулся, брат, я — вдребезги! Еще не все пропало, дед, — есть на свете шулера поумнее меня!

Лука. Веселый ты, Костянтин… приятный!

Бубнов. Актер! Поди-ка сюда!

Актер *идет к окну и садится пред ним на корточки. Вполголоса разговаривают.*

Сатин. Я, брат, молодой — занятен был! Вспомнить хорошо!.. Рубаха-парень… плясал великолепно, играл на сцене, любил смешить людей… славно!

Лука. Как же это ты свихнулся со стези своей, а?

Сатин. Какой ты любопытный, старикашка! Все бы тебе знать… а — зачем?

Лука. Понять хочется дела-то человеческие… а на тебя гляжу — не понимаю! Эдакий ты бравый… Костянтин… неглупый… и вдруг…

Сатин. Тюрьма, дед! Я четыре года семь месяцев в тюрьме отсидел… а после тюрьмы — нет ходу!

Лука. Ого-го! За что сидел-то?

Сатин. За подлеца… убил подлеца в запальчивости и раздражении… В тюрьме я и в карты играть научился…

Лука. А убил — из-за бабы?

Сатин. Из-за родной сестры… Однако — ты отвяжись! Я не люблю, когда меня расспрашивают… И… все это было давно… Сестра — умерла… уже девять лет… прошло… Славная, брат, была человечинка сестра у меня!..

Лука. Легко ты жизнь переносишь! А вот давеча

тут… слесарь — так взвыл… а-а-яй!

Сатин. Клещ?

Лука. Он. «Работы, кричит, нету… ничего нету!»

Сатин. Привыкнет… Чем бы мне заняться?

Лука *(тихо)*. Гляди! Идет…

Клещ идет — медленно, низко опустив голову.

Сатин. Эй, вдовец! Чего нюхалку повесил? Что хочешь выдумать?

Клещ. Думаю… чего делать буду? Инструмента — нет… всё — похороны съели!

Сатин. Я тебе дам совет: ничего не делай! Просто — обременяй землю!..

Клещ. Ладно… говори… Я — стыд имею пред людьми…

Сатин. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется… Подумай — ты не станешь работать, я — не стану… еще сотни… тысячи, все! — понимаешь? все бросают работать! Никто ничего не хочет делать — что тогда будет?

Клещ. С голоду подохнут все…

Лука *(Сатину)*. Тебе бы с такими речами к бегунам идти… Есть такие люди, бегуны называются…

Сатин. Я знаю… они — не дураки, дедка!

Из окна Костылевых доносится крик Наташи: «За что? Постой… за что-о?»

Лука *(беспокойно)*. Наташа? Она кричит? а? Ах ты…

В квартире Костылевых — шум, возня, звон разбитой посуды и визгливый крик Костылева: «А-а… еретица… шкуреха…»

Василиса. Стой… погоди… Я ее… вот… вот…

Наташа. Бьют! Убивают…

Сатин *(кричит в окно)*. Эй, вы там!

Лука *(суетясь)*. Василья бы… позвать бы Васю-то… ах, господи! Братцы… ребята…

Актер *(убегая)*. Вот я… сейчас его…

Бубнов. Ну и часто они ее бить стали…

Сатин. Идем, старик… свидетелями будем!

Лука *(идет вслед за Сатиным)*. Какой я свидетель! Куда уж… Василья-то бы скорее… Э-эхма!..

Наташа. Сестра… сестрица… Ва-а-а…

Бубнов. Рот заткнули… пойду взгляну…

Шум в квартире Костылевых стихает, удаляясь, должно быть, в сени из комнаты. Слышен крик старика: «Стой!» Громко хлопает дверь, и этот звук, как топором, обрубает весь шум. На сцене — тихо. Вечерний сумрак.

Клещ *(безучастно сидит на дровнях, крепко потирает руки. Потом начинает что-то бормотать, сначала — невнятно, далее:)* Как же?.. Надо жить… *(Громко.)* Пристанище надо… ну? Нет пристанища… ничего нет! Один человек… один, весь тут… Помощи нет… *(Медленно, согнувшись, уходит.)*

Несколько секунд зловещей тишины. Потом — где-то в проходе рождается смутный шум, хаос звуков. Он растет, приближается. Слышны отдельные голоса.

Василиса. Я ей — сестра! Пусти…
Костылев. Какое ты имеешь право?
Василиса. Каторжник…
Сатин. Ваську зови!.. скорее… Зоб — бей его!

Полицейский свисток.

Татарин *(выбегает. Правая рука у него на перевязи)*. Какой-такой закон есть — днем убивать?
Кривой Зоб *(за ним Медведев)*. Эх, и дал я ему разочек!
Медведев. Ты — как можешь драться?
Татарин. А ты? Твоя какая обязанность?
Медведев *(гонится за крючником)*. Стой! Отдай свисток…

Костылев *(выбегает)*. Абрам! Хватай… бери его! Убил…

Из-за угла выходят ***Квашня*** *и* ***Настя*** *— они ведут под руки* ***Наташу****, растрепанную.* ***Сатин*** *пятится задом, отталкивая* ***Василису****, которая, размахивая руками, пытается ударить сестру. Около нее прыгает как бесноватый* ***Алешка****, свистит ей в уши, кричит, воет. Потом еще несколько оборванных фигур мужчин и женщин.*

Сатин *(Василисе)*. Куда? Сова, проклятая…

Василиса. Прочь, каторжник! Жизни решусь, а — растерзаю…

Квашня *(отводя Наташу)*. А ты, Карповна, полно… постыдись! Что зверствуешь?

Медведев *(хватает Сатина)*. Ага… попал!

Сатин. Зоб! Лупи их!.. Васька… Васька!

Все сталкиваются в кучу около прохода, у красной стены. Наташу уводят направо и там усаживают на куче дерева.

Пепел *(выскочив из проулка, он молча сильными движениями расталкивает всех)*. Где — Наталья? Ты…

Костылев *(скрываясь за углом)*. Абрам! Хватай Ваську… братцы — помогите Ваську взять! Вора…

грабителя…

Пепел. А ты… блудня старая! *(Сильно размахнувшись, бьет старика.)*

Костылев падает так, что из-за угла видна только верхняя половина его тела. Пепел бросается к Наташе.

Василиса. Бейте Ваську! Голубчики… бейте вора!

Медведев *(кричит Сатину)*. Не можешь… тут — дело семейное! Они — родные… а ты кто?

Пепел. Как… чем она тебя? Ножом?

Квашня. Гляди-ко, звери какие! Кипятком ноги девке сварили…

Настя. Самовар опрокинули…

Татарин. Может — нечаянно… надо — верно знать… нельзя зря говорить…

Наташа *(почти в обмороке)*. Василий… возьми меня… схорони меня…

Василиса. Батюшки! Глядите-ка… смотрите-ка… помер! Убили…

Все толпятся у прохода, около Костылева. Из толпы выходит ***Бубнов****, идет к Василию.*

Бубнов *(негромко)*. Васька! Старик-то… того… готов!

Пепел *(смотрит на него, как бы не понимая).* Иди-зови… в больницу надо… ну, я рассчитаюсь с ними!

Бубнов. Я говорю — старика-то кто-то уложил…

Шум на сцене гаснет, как огонь костра, заливаемый водою. Раздаются отдельные возгласы вполголоса «Неужто?», «Вот те раз!», «Ну-у?», «Уйдем-ка, брат!», «Ах, черт!», «Теперь — держись!», «Айда прочь, покуда полиции нет!» Толпа становится меньше. Уходят ***Бубнов***, ***Татарин***. *Настя и Квашня бросаются к трупу Костылева.*

Василиса *(поднимаясь с земли, кричит торжествующим голосом).* Убили! Мужа моего… вот кто убил! Васька убил! Я — видела! Голубчики — я видела! Что — Вася? Полиция!

Пепел *(отходит от Наташи).* Пусти… прочь! *(Смотрит на старика. Василисе.)* Ну? рада? *(Трогает труп ногой.)* Околел… старый пес! По-твоему вышло… А… не прихлопнуть ли и тебя? *(Бросается на нее.)*

Сатин и Кривой Зоб быстро хватают его. ***Василиса*** *скрывается в проулке.*

Сатин. Опомнись!

Кривой Зоб. Тпруу! Куда скачешь?

Василиса *(появляясь)*. Что, Вася, мил друг? От судьбы — не уйдешь… Полиция! Абрам… свисти!

Медведев. Свисток сорвали, дьяволы…

Алешка. Вот он! *(Свистит.)*

***Медведев** бежит за ним.*

Сатин *(отводя Пепла к Наташе)*. Васька — не трусь! Убийство в драке… пустяки! Это — недорого стоит…

Василиса. Держите Ваську! Он убил… я видела!

Сатин. Я тоже раза три ударил старика… Много ли ему надо! Зови меня в свидетели, Васька…

Пепел. Мне… оправдываться не надо… Мне — Василису надо подвести… я же ее подведу! Она этого хотела… Она меня подговаривала мужа убить… подговаривала!..

Наташа *(вдруг громко)*. А-а… я поняла!.. Так, Василий?! Добрые люди! Они — заодно! Сестра моя и — он… они заодно! Они все это подстроили! Так, Василий?.. Ты… для того со мной давеча говорил… чтобы она все слышала? Люди добрые! Она — его любовница… вы — знаете… это — все знают… они — заодно! Она… это она его подговорила мужа убить… муж им мешал… и я — мешала… Вот — изувечили меня…

Пепел. Наталья! Что ты… что ты?!

Сатин. Вот так… черт!

Василиса. Врешь! Врет она… я… Он, Васька, убил!

Наташа. Они — заодно! Будь вы прокляты! Вы оба…

Сатин. Н-ну, игра!.. Держись, Василий! Утопят они тебя!..

Кривой Зоб. Понять невозможно!.. Ах ты… дела!

Пепел. Наталья! Неужто ты… вправду? Неужто веришь, что я… с ней…

Сатин. Ей-богу, Наташа, ты… сообрази!

Василиса *(в проулке)*. Убили мужа моего… ваше благородие… Васька Пепел, вор… он убил… господин пристав! Я — видела… все видели…

Наташа *(мечется почти в беспамятстве)*. Люди добрые… сестра моя и Васька убили! Полиция — слушай… Вот эта, сестра моя, научила… уговорила… своего любовника… вот он, проклятый! — они убили! Берите их… судите… Возьмите и меня… в тюрьму меня! Христа ради… в тюрьму меня!..

Занавес

Акт четвертый

Обстановка первого акта. Но комнаты Пепла — нет, переборки сломаны. И на месте, где сидел Клещ, — нет наковальни. В углу, где была комната Пепла, лежит ***Татарин****, возится и стонет изредка. За столом сидит* ***Клещ****; он чинит гармонию, порою пробуя лады. На другом конце стола —* ***Сатин****,* ***Барон*** *и* ***Настя****. Пред ними бутылка водки, три бутылки пива, большой ломоть черного хлеба. На печи возится и кашляет* ***Актер****. Ночь. Сцена освещена лампой, стоящей посреди стола. На дворе — ветер.*

Клещ. Д-да… он во время суматохи этой и пропал…

Барон. Исчез от полиции… яко дым от лица огня…

Сатин. Тако исчезают грешники от лица праведных!

Настя. Хороший был старичок!.. А вы… не люди… вы — ржавчина!

Барон *(пьет)*. За ваше здоровье, леди!

Сатин. Любопытный старикан… да! Вот Настёнка — влюбилась в него…

Настя. И влюбилась… и полюбила! Верно! Он — все видел… все понимал…

Сатин *(смеясь)*. И вообще… для многих был… как мякиш для беззубых…

Барон *(смеясь)*. Как пластырь для нарывов…

Клещ. Он… жалостливый был… У вас вот… жалости

Сатин. Какая польза тебе, если я тебя пожалею?..

Клещ. Ты — можешь… не то, что пожалеть можешь… ты умеешь не обижать…

Татарин *(садится на нарах и качает свою больную руку, как ребенка)*. Старик хорош был… закон душе имел! Кто закон душа имеет — хорош! Кто закон терял — пропал!..

Барон. Какой закон, князь?

Татарин. Такой… Разный… Знаешь какой…

Барон. Дальше!

Татарин. Не обижай человека — вот закон!

Сатин. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных»…

Барон. И еще — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями»…

Татарин. Коран называет… ваш Коран должна быть закон… Душа — должен быть Коран… да!

Клещ *(пробуя гармонию)*. Шипит, дьявол!.. А

князь верно говорит… надо жить — по закону… по Евангелию…

Сатин. Живи…

Барон. Попробуй…

Татарин. Магомет дал Коран, сказал: «Вот — закон! Делай, как написано тут!» Потом придет время — Коран будет мало… время даст свой закон, новый… Всякое время дает свой закон…

Сатин. Ну да… пришло время и дало «Уложение о наказаниях»… Крепкий закон… не скоро износишь!

Настя *(ударяет стаканом по столу)*. И чего… зачем я живу здесь… с вами? Уйду… пойду куда-нибудь… на край света!

Барон. Без башмаков, леди?

Настя. Голая! На четвереньках поползу!

Барон. Это будет картинно, леди… если на четвереньках…

Настя. Да, и поползу! Только бы мне не видеть твоей рожи… Ах, опротивело мне все! Вся жизнь… все люди!..

Сатин. Пойдешь — так захвати с собой Актера… Он туда же собирается… ему известно стало, что всего в полуверсте от края света стоит лечебница для органонов…

Актер *(высовываясь с печи)*. Орга-ни-змо-в,

дурак!

Сатин. Для органонов, отравленных алкоголем…

Актер. Да! Он — уйдет! Он уйдет… увидите!

Барон. Кто — он, сэр?

Актер. Я!

Барон. Mercі, служитель богини… как ее? Богиня драм, трагедии… как ее звали?

Актер. Муза, болван! Не богиня, а — муза!

Сатин. Лахеза… Гера… Афродита… Атропа… черт их разберет! Это все старик… навинтил Актера… понимаешь, Барон?

Барон. Старик — глуп…

Актер. Невежды! Дикари! Мель-по-ме-на! Люди без сердца! Вы увидите — он уйдет! «Обжирайтесь, мрачные умы»… стихотворение Беранжера… да! Он — найдет себе место… где нет… нет…

Барон. Ничего нет, сэр?

Актер. Да! Ничего! «Яма эта… будет мне могилой… умираю, немощный и хилый!» Зачем вы живете? Зачем?

Барон. Ты! Кин, или гений и беспутство! Не ори!

Актер. Врешь! Буду орать!

Настя *(поднимая голову со стола, взмахивает руками)*. Кричи! Пусть слушают!

Барон. Какой смысл, леди?

Сатин. Оставь их. Барон! К черту!.. Пускай кричат… разбивают себе головы… пускай! Смысл тут есть!.. Не мешай человеку, как говорил старик… Да, это он, старая дрожжа, проквасил нам сожителей…

Клещ. Поманил их куда-то… а сам — дорогу не сказал…

Барон. Старик — шарлатан…

Настя. Врешь! Ты сам — шарлатан!

Барон. Цыц, леди!

Клещ. Правды он… не любил, старик-то… Очень против правды восставал… так и надо! Верно — какая тут правда? И без нее — дышать нечем… Вон князь… руку-то раздавил на работе… отпилить напрочь руку-то придется, слышь… вот те и правда!

Сатин *(ударяя кулаком по столу)*. Молчать! Вы — все — скоты! Дубье… молчать о старике! *(Спокойнее.)* Ты, Барон, — всех хуже!.. Ты — ничего не понимаешь… и — врешь! Старик — не шарлатан! Что такое — правда? Человек — вот правда! Он это понимал… вы — нет! Вы — тупы, как кирпичи… Я — понимаю старика… да! Он врал… но — это из жалости к вам, черт вас возьми! Есть много людей, которые лгут из жалости к ближнему… я

— знаю! я — читал! Красиво, вдохновенно, возбуждающе лгут!.. Есть ложь утешительная, ложь примиряющая… Ложь оправдывает ту тяжесть, которая раздавила руку рабочего… и обвиняет умирающих с голода… Я — знаю ложь! Кто слаб душой… и кто живет чужими соками — тем ложь нужна… одних она поддерживает, другие — прикрываются ею… А кто — сам себе хозяин… кто независим и не жрет чужого — зачем тому ложь? Ложь — религия рабов и хозяев… Правда — бог свободного человека!

Барон. Браво! Прекрасно сказано! Я — согласен! Ты говоришь… как порядочный человек!

Сатин. Почему же иногда шулеру не говорить хорошо, если порядочные люди… говорят, как шулера? Да… я много позабыл, но — еще кое-что знаю! Старик? Он — умница!.. Он… подействовал на меня, как кислота на старую и грязную монету… Выпьем, за его здоровье! Наливай…

Настя наливает стакан пива и дает Сатину.

(Усмехаясь.) Старик живет из себя… он на все смотрит своими глазами. Однажды я спросил его: «Дед! зачем живут люди?..» *(Стараясь говорить голосом Луки и подражая его манерам.)* «А — для лучшего люди-то живут, милачок! Вот, скажем,

живут столяры и всё — хлам-народ… И вот от них рождается столяр… такой столяр, какого подобного и не видала земля, — всех превысил, и нет ему во столярах равного. Всему он столярному делу свой облик дает… и сразу дело на двадцать лет вперед двигает… Так же и все другие… слесаря, там… сапожники и прочие рабочие люди… и все крестьяне… и даже господа — для лучшего живут! Всяк думает, что для себя проживает, ан выходит, что для лучшего! По сту лет… а может, и больше — для лучшего человека живут!»

Настя упорно смотрит в лицо Сатина. Клещ перестает работать над гармонией и тоже слушает. Барон, низко наклонив голову, тихо бьет пальцами по столу. Актер, высунувшись с печи, хочет осторожно слезть на нары.

«Все, милачок, все, как есть, для лучшего живут! Потому-то всякого человека и уважать надо… неизвестно ведь нам, кто он такой, зачем родился и чего сделать может… может, он родился-то на счастье нам… для большой нам пользы?.. Особливо же деток надо уважать… ребятишек! Ребятишкам — простор надобен! Деткам-то жить не мешайте… Деток уважьте!» *(Смеется тихо.)*

Пауза.

Барон *(задумчиво)*. Мм-да… для лучшего? Это… напоминает наше семейство… Старая фамилия… времен Екатерины дворяне… вояки!.. выходцы из Франции… Служили, поднимались всё выше… При Николае Первом дед мой, Густав Дебиль… занимал высокий пост… Богатство… сотни крепостных… лошади… повара…

Настя. Врешь! Не было этого!

Барон *(вскакивая)*. Что-о? Н-ну… дальше?!

Настя. Не было этого!

Барон *(кричит)*. Дом в Москве! Дом в Петербурге! Кареты… кареты с гербами!

Клещ берет гармонию, встает и отходит в сторону, откуда наблюдает за сценой.

Настя. Не было!

Барон. Цыц! Я говорю… десятки лакеев!..

Настя *(с наслаждением)*. Н-не было!

Барон. Убью!

Настя *(приготовляясь бежать)*. Не было карет!

Сатин. Брось, Настёнка! Не зли его…

Барон. Подожди… ты, дрянь! Дед мой…

Настя. Не было деда! Ничего не было!

Сатин хохочет.

Барон *(усталый от гнева, садится на скамью)*.

Сатин, скажи ей… шлюхе… Ты — тоже смеешься? Ты… тоже — не веришь? *(Кричит с отчаяньем, ударяя кулаками по столу.)* Было, черт вас возьми!

Настя *(торжествуя)*. А-а, взвыл? Понял, каково человеку, когда ему не верят?

Клещ *(возвращаясь к столу)*. Я думал — драка будет…

Татарин. А-ах, глупы люди! Очень плохо!

Барон. Я… не могу позволить издеваться надо мной! У меня — доказательства есть… документы, дьявол!

Сатин. Брось их! И забудь о каретах дедушки… в карете прошлого — никуда не уедешь…

Барон. Как она смеет, однако!

Настя. Ска-ажите! Как смею!..

Сатин. Видишь — смеет! Чем она хуже тебя? Хотя у нее в прошлом, уж наверное, не было не только карет и — дедушки, а даже отца с матерью…

Барон *(успокаиваясь)*. Черт тебя возьми… ты… умеешь рассуждать спокойно… А у меня… кажется, нет характера…

Сатин. Заведи. Вещь — полезная…

Пауза.

Настя! Ты ходишь в больницу?

Настя. Зачем?

Сатин. К Наташе?

Настя. Хватился! Она — давно вышла… вышла и — пропала! Нигде ее нет…

Сатин. Значит — вся вышла…

Клещ. Интересно — кто кого крепче всадит? Васька — Василису, или она его?

Настя. Василиса — вывернется! Она — хитрая. А Ваську — в каторгу пошлют…

Сатин. За убийство в драке — только тюрьма…

Настя. Жаль. В каторгу — лучше бы… Всех бы вас… в каторгу… смести бы вас, как сор… куда-нибудь в яму!

Сатин *(удивленно)*. Что ты? Сбесилась?

Барон. Вот я ей в ухо дам… за дерзости!

Настя. Попробуй! Тронь!

Барон. Я — попробую!

Сатин. Брось! Не тронь… не обижай человека! У меня из головы вон не идет… этот старик! *(Хохочет.)* Не обижай человека!.. А если меня однажды обидели и — на всю жизнь сразу! Как быть? Простить? Ничего. Никому…

Барон *(Насте)*. Ты должна понимать, что я — не чета тебе! Ты… мразь!

Настя. Ах ты, несчастный! Ведь ты… ты мной

живешь, как червь — яблоком!

Дружный взрыв хохота мужчин.

Клещ. Ах… дура! Яблочко!

Барон. Нельзя… сердиться… вот идиотка!

Настя. Смеетесь? Врете! Вам — не смешно!

Актер *(мрачно)*. Катай их!

Настя. Кабы я… могла! я бы вас *(берет со стола чашку и бросает на пол)* — вот как!

Татарин. Зачем посуда бить? Э-э… болванка!..

Барон *(вставая)*. Нет, я ее сейчас… научу манерам!

Настя *(убегая)*. Черт вас возьми!

Сатин *(вслед ей)*. Эй! Полно! Кого ты пугаешь? В чем дело, наконец?

Настя. Волки! *(Убегает.)* Чтоб вам издохнуть! Волки!

Актер *(мрачно)*. Аминь!

Татарин. У-у! Злой баба — русский баба! Дерзкий… вольна! Татарка — нет! Татарка — закон знает!

Клещ. Трепку ей надо дать…

Барон. М-мерзавка!

Клещ *(пробуя гармонию)*. Готова! А хозяина ее — все нет… Горит парнишка…

Сатин. Теперь — выпей!

Клещ. Спасибо! Да и на боковую пора…

Сатин. Привыкаешь к нам?

Клещ *(выпив, отходит в угол к нарам)*. Ничего… Везде — люди… Сначала — не видишь этого… потом — поглядишь, окажется, все люди… ничего!

Татарин расстилает что-то на нарах, становится на колени и — молится.

Барон *(указывая Сатину на Татарина)*. Гляди!

Сатин. Оставь! Он — хороший парень… не мешай! *(Хохочет.)* Я сегодня — добрый… черт знает почему!..

Барон. Ты всегда добрый, когда выпьешь… И умный…

Сатин. Когда я пьян… мне все нравится. Н-да… Он — молится? Прекрасно! Человек может верить и не верить… это его дело! Человек — свободен… он за все платит сам: за веру, за неверие, за любовь, за ум — человек за все платит сам, и потому он — свободен!.. Человек — вот правда! Что такое человек?.. Это не ты, не я, не они… нет! — это ты, я, они, старик, Наполеон, Магомет… в одном! *(Очерчивает пальцем в воздухе фигуру человека.)* Понимаешь? Это — огромно! В этом — все начала и концы… Всё — в человеке, всё для человека! Существует только человек, все же остальное

— дело его рук и его мозга! Чело-век! Это — великолепно! Это звучит… гордо! Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть… не унижать его жалостью… уважать надо! Выпьем за человека, Барон! *(Встает.)* Хорошо это… чувствовать себя человеком!.. Я — арестант, убийца, шулер… ну, да! Когда я иду по улице, люди смотрят на меня как на жулика… и сторонятся и оглядываются… и часто говорят мне — «Мерзавец! Шарлатан! Работай!» Работать? Для чего? Чтобы быть сытым? *(Хохочет.)* Я всегда презирал людей, которые слишком заботятся о том, чтобы быть сытыми… Не в этом дело, Барон! Не в этом дело! Человек — выше! Человек — выше сытости!..

Барон *(качая головой)*. Ты — рассуждаешь… Это — хорошо… это, должно быть, греет сердце… У меня — нет этого… я — не умею! *(Оглядывается и — тихо, осторожно.)* Я, брат, боюсь… иногда. Понимаешь? Трушу… Потому — что же дальше?

Сатин *(уходит)*. Пустяки! Кого бояться человеку?

Барон. Знаешь… с той поры, как я помню себя… у меня в башке стоит какой-то туман. Никогда и ничего не понимал я. Мне… как-то неловко… мне кажется, что я всю жизнь только переодевался… а зачем? Не понимаю! Учился — носил мундир дво-

рянского института… а чему учился? Не помню… Женился — одел фрак, потом — халат… а жену взял скверную и — зачем? Не понимаю… Прожил все, что было, — носил какой-то серый пиджак и рыжие брюки… а как разорился? Не заметил… Служил в казенной палате… мундир, фуражка с кокардой… растратил казенные деньги, — надели на меня арестантский халат… потом — одел вот это… И всё… как во сне… а? Это… смешно?

Сатин. Не очень… Скорее — глупо…

Барон. Да… и я думаю, что глупо… А… ведь зачем-нибудь я родился… а?

Сатин *(смеясь)*. Вероятно… Человек рождается для лучшего! *(Кивая головой.)* Так… хорошо!

Барон. Эта… Настька!.. Убежала… куда? Пойду, посмотрю… где она? Все-таки… она… *(Уходит.)*

Пауза.

Актер. Татарин!

Пауза.

Князь!

Татарин поворачивает голову.

За меня… помолись…

Татарин. Чего?

Актер *(тише)*. Помолись… за меня!..

Татарин *(помолчав)*. Сам молись…

Актер *(быстро слезает с печи, подходит к столу, дрожащей рукой наливает водки, пьет и — почти бежит — в сени)*. Ушел!

Сатин. Эй ты, сикамбр! Куда? *(Свистит.)*

*Входят — **Медведев** в женской ватной кофте и **Бубнов**; оба — выпивши, но не очень. В одной руке Бубнова — связка кренделей, в другой — несколько штук воблы, под мышкой — бутылка водки, в кармане пиджака — другая.*

Медведев. Верблюд — он вроде… осла! Только без ушей…

Бубнов. Брось! Ты сам — вроде осла.

Медведев. Ушей вовсе нет у верблюда… он — ноздрей слышит…

Бубнов *(Сатину)*. Друг! Я тебя искал по всем трактирам-кабакам! Возьми бутылку, у меня все руки заняты!

Сатин. А ты — положи кренделя на стол — одна рука освободится…

Бубнов. Верно. Ах ты… Бутарь, гляди! Вот он, а? Умница!

Медведев. Жулики — все умные… я знаю! Им без ума — невозможно. Хороший человек, он — и

глупый хорош, а плохой — обязательно должен иметь ум. Но насчет верблюда ты — неверно… он — животная ездовая… рогов у него нет… и зубов нет…

Бубнов. Где — народ? Отчего здесь людей нет? Эй, вылезай… я — угощаю! Кто в углу?

Сатин. Скоро ты пропьешься? Чучело!

Бубнов. Я — скоро! В этот раз капитал я накопил — коротенький… Зоб! Где Зоб?

Клещ *(подходя к столу)*. Нет его…

Бубнов. У-у-ррр! Барбос! Бррю, брлю, брлю! Индюк! Не лай, не ворчи! Пей, гуляй, нос не вешай… Я — всех угощаю! Я, брат, угощать люблю! Кабы я был богатый… я бы… бесплатный трактир устроил! Ей-богу! С музыкой и чтобы хор певцов… Приходи, пей, ешь, слушай песни… отводи душу! Бедняк-человек… айда ко мне в бесплатный трактир! Сатин! Я бы… тебя бы… бери половину всех моих капиталов! Вот как!

Сатин. Ты мне сейчас отдай все…

Бубнов. Весь капитал? Сейчас? На! Вот — рубль… вот еще… двугривенный… пятаки… семишники… все!

Сатин. Ну и ладно! У меня — целее будет… Сыграю я на них…

Медведев. Я — свидетель… отданы деньги на

сохранение… числом — сколько?

Бубнов. Ты? Ты — верблюд… Нам свидетелей не надо…

Алешка *(входит босый)*. Братцы! Я ноги промочил!

Бубнов. Иди — промочи горло… Только и всего! Милый ты… поёшь ты и играешь, очень это хорошо! А — пьешь — напрасно! Это, брат, вредно… пить — вредно!..

Алешка. По тебе вижу! Ты — только пьяный и похож на человека… Клещ! Гармошку — починил? *(Поет, приплясывая.)*

Эх, кабы мое рыло
Не красиво было –
Так меня бы кума моя
Вовсе не любила!

Озяб я, братцы! Х-холод-но!

Медведев. Мм… а если спросить — кто такая кума?

Бубнов. Отстань! Ты, брат, теперь — тю-тю! Ты уж не бутошник… кончено! И не бутошник, и не дядя…

Алешка. А просто — теткин муж!

Бубнов. Одна твоя племянница — в тюрьме, другая — помирает…

Медведев *(гордо)*. Врешь! Она — не помирает, она у меня без вести пропала!

Сатин хохочет.

Бубнов. Все равно, брат! Человек без племянниц — не дядя!

Алешка. Ваше превосходительство! Отставной козы барабанщик!

У кумы – есть деньги,
У меня – ни гроша!
Зато я веселый мальчик,
Зато я – хороший!

Холодно!

*Входит **Кривой Зоб**; потом — до конца акта — еще несколько фигур мужчин и женщин. Они раздеваются, укладываются на нары, ворчат.*

Кривой Зоб. Бубнов! Ты чего сбежал?

Бубнов. Иди сюда! Садись… запоем мы, брат! Любимую мою… а?

Татарин. Ночь — спать надо! Песня петь днем надо!

Сатин. Ну, ничего, князь! Ты — иди сюда!

Татарин. Как — ничего? Шум будет… когда песня поют, шум бывает…

Бубнов *(идя к нему)*. Князь! Что — рука? Отрезали тебе руку?

Татарин. Зачем? Погодим… может — не надо резать… Рука — не железный, резать — недолго…

Кривой Зоб. Яман твое дело, Асанка! Без руки ты — никуда не годишься! Наш брат по рукам да по спине ценится… Нет руки — и человека нет! Табак твое дело!.. Иди водку пить… больше никаких!

Квашня *(входит)*. Ах, жители вы мои милые! На дворе-то, на дворе-то! Холод, слякоть… Бутошник мой здесь? Бутарь!

Медведев. Я!

Квашня. Опять мою кофту таскаешь? И как будто ты… немножко того, а? Ты что же это?

Медведев. По случаю именин… Бубнов… и — холодно… слякоть!

Квашня. Ты гляди у меня… слякоть! Не балуй… Иди-ка спать…

Медведев *(уходит в кухню)*. Спать — я могу… я хочу… пора!

Сатин. Ты чего… больно строга с ним?

Квашня. Нельзя, дружок, иначе… Подобного мужчину надо в строгости держать. Я его в сожители взяла, — думала, польза мне от него будет… как он — человек военный, а вы — люди буйные…

мое же дело — бабье... А он — пить! Это мне ни к чему!

Сатин. Плохо ты выбрала помощника...

Квашня. Нет — лучше-то... Ты со мной жить не захочешь... ты вон какой! А и станешь жить со мной — не больше недели сроку... проиграешь меня в карты со всей моей требухой!

Сатин *(хохочет)*. Это верно, хозяйка! Проиграю...

Квашня. То-то! Алешка!

Алешка. Вот он — я!

Квашня. Ты — что про меня болтаешь?

Алешка. Я? Всё! Всё, по совести. Вот, говорю, баба! Удивительная! Мяса, жиру, кости — десять пудов, а мозгу — золотника нету!

Квашня. Ну, это ты врешь! Мозг у меня даже очень есть... Нет, ты зачем говоришь, что я бутошника моего бью?

Алешка. Я думал, ты его била, когда за волосы таскала...

Квашня. *(смеясь)*. Дурак! А ты — будто не видишь. Зачем сор из избы выносить?.. И, опять же, обидно ему... Он от твоего разговору пить начал...

Алешка. Стало быть, правду говорят, что и курица пьет!

Сатин, Клещ — хохочут.

Квашня. У, зубоскал! И что ты за человек, Алешка?

Алешка. Самый первый сорт человек! На все руки! Куда глаз мой глянет, туда меня и тянет!

Бубнов *(около нар Татарина)*. Идем! Все равно — спать не дадим! Петь будем… всю ночь! Зоб!

Кривой Зоб. Петь? Можно…

Алешка. А я — подыграю!

Сатин. Послушаем!

Татарин *(улыбаясь)*. Ну, шайтан Бубна… подноси вина! Пить будим, гулять будим, смерть пришол — помирать будим!

Бубнов. Наливай ему, Сатин! Зоб, садись! Эх, братцы! Много ли человеку надо? Вот я — выпил и — рад! Зоб!.. Затягивай… любимую! Запою… заплачу!..

Кривой Зоб *(запевает)*. Со-олнце всходит и захо-оди-ит…

Бубнов *(подхватывая)*. А-а в тюрьме моей темно-о!

Дверь быстро отворяется.

Барон *(стоя на пороге, кричит)*. Эй… вы! Иди… идите сюда! На пустыре… там… Актер… удавился!

Молчание. Все смотрят на Барона. Из-за его спины появляется ***Настя*** *и медленно, широко раскрыв глаза, идет к столу.*

Сатин *(негромко).* Эх... испортил песню... дурак!

Занавес

1902